«ӨСКЕМЕН ҚАЛАСЫНЫҢ
ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛАР ЖҮЙЕСІ» ММ

ГУ «ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
ГОРОДА УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА»

ОРТАЛЫҚ ҚАЛАЛЫҚ КІТАПХАНА
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Восточный Казахстан. Репрессии 1930-50х годов

пособие

ӨСКЕМЕН
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК
2011

Восточный Казахстан:
репрессии 1930-1950-х годов

Информационный дайджест

Усть-Каменогорск
2011

«Существует миф о том, что история нас учит тому, что она ничему не учит. Мне кажется, что так рассуждают те, кто не готов или не способен извлечь уроки из прошлого.

Суровая «наука выживания» даётся людям, лишённым спеси, высокомерия, зазнайства и самонадеянности. Людям, осознавшим, что «гордое терпенье» - это единственная возможная защита собственного достоинства от агрессии власти».

Т. Филиппова // Библиотечное дело.- 2007. - № 14. - С.1

1930-50-е годы XX столетия - один из самых сложных противоречивых периодов отечественной истории, эпоха, в которой слились воедино героическое и трагическое, грандиозные свершения и ощутимые потери, неподдельная самоотверженность советских людей и разгул беззакония и произвола. Насильственные меры стали активно применяться на закате НЭПа, в период хлебозаготовительной компании 1928г. и особенно в 1929 году.

С началом коллективизации (1929г.) на местах получили широкие полномочия «тройки», они выносили приговоры и приводили их в исполнение.

Организовывалась целая сеть «исправительно-трудовых лагерей». К середине 30-х годов был отлажен механизм государственного принуждения.

Однако, изучая материалы того времени, не следует окрашивать всё чёрной краской или обелять. Только беспристрастный подход поможет нам приблизиться к объективному восприятию истории.

В пособие «Восточный Казахстан: репрессии 1930-50-х годов» включены статьи, воспоминания и раздумья о страшных событиях политических репрессий первой половины XX века.

Здесь собран материал, опубликованный в разные годы на страницах региональных газет, журналов и авторских сборников.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Составитель: Захарова Т.Б.,
ведущий специалист Центра краеведческой информации

Токтарбек Жаксылыков,
помощник прокурора Восточно-Казахстанской
области по надзору за исполнением наказаний
и реабилитации граждан, советник юстиции.
Почетный работник прокуратуры
// Рудный Алтай. - 2008. - 31 мая. - С. 4.

Реабилитировать всех, невинно пострадавших

31 мая, в День памяти жертв массовых политических репрессий, принято вспоминать миллионы невинных людей, незаконно и несправедливо осужденных, расстрелянных, попавших в лагеря и специальные поселения по подозрению и клевете. При этом пострадали не только отдельно взятые люди или семьи, но и целые народы, проживавшие в бывшем СССР. Душевные раны целого поколения не зажили до сих пор. Мы не имеем права забывать это прошлое. Надо помнить уроки истории и делать из них выводы.

Конечно, дата, посвященная памяти жертв репрессий не означает, что только в этот день мы вспоминаем о них. Работа по их реабилитации и восстановлению справедливости идет постоянно. Этим занимаются органы прокуратуры, государственной безопасности, а также социального обеспечения населения. До сих пор люди обращаются к нам, чтобы реабилитировать своих родственников, восстановить добрую память о них.

Кроме того, дети тех людей, которые были подвергнуты несправедливым гонениям, сегодня достигли предпенсионного и пенсионного возраста, и государство предусмотрело для них социальные льготы.

Органами прокуратуры, на которые возложены основные обязанности по реабилитации пострадавших граждан, проделана огромная работа. Восстановлены добрые имена многих известных и неизвестных людей.

Скоро народ Казахстана будет отмечать 150-летие мыслителя, поэта и философа Шакарима Кудайбердиева, в 30-е годы прошлого столетия оклеветанного и зверски убитого сотрудниками карательных органов. В свое время Генеральная прокуратура Республики Казахстан реабилитировала его посмертно, как жертву политических репрессий.

Совсем недавно прокуратурой области были реабилитированы бывшие жители близлежащих к Усть-Каменогорску сел Родион Цыбенко, приговоренный к расстрелу, а также Иван и Михаил Гук, отправленные в лагеря якобы за участие в толстоуховском восстании.

Прокуратурой области также было изучено архивное уголовное дело и в Генеральную прокуратуру Республики Казахстан направлено представление на опротестование состоявшихся приговоров областного суда в отношении жителей Тарбагатайского района Б. Дюсекенова, А. Есенгельдинова и Т. Чириккутова, обвинявшихся в годы войны в антисоветской пропаганде. Генеральной прокуратурой наше представление было поддержано, и в Верховный суд внесен протест в порядке надзора. Постановлением Надзорной

коллегии Верховного суда РК судебные постановления в отношении этих лиц были отменены, дело прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Житель села Маканчи Атамбек Эдыкпаев приговором специальной коллегии Алма-Атинского областного суда был признан виновным в контрреволюционной агитации и пропаганде, которую он якобы проводил в колхозе имени Ежова и осужден за это к десяти годам лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на пять лет. По надзорному протесту Генерального прокурора РК, внесенному также по представлению прокуратуры области, Надзорной коллегией Верховного суда постановление в отношении А.Эдыкпаева отменено, уголовное дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Не обошли стороной репрессии и сотрудников прокуратуры. Так, в марте 1938 года с разницей в несколько дней по приговору военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны прокурор Уланского района Сифатулла Садыков и прокурор Тарбагатайского района Сейт-Ахмет Яхин. В 1958 году состоявшиеся в их отношении приговоры были отменены и лишь в 1999 году они были реабилитированы.

В стране действует Закон от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», на основании, которого проводится эта работа. Он в своей основе отвечает требованиям времени. Вместе с тем, некоторые положения требуют изменений. В частности, статья вторая предусматривает, что действие настоящего закона распространяется на граждан Республики Казахстан, то есть, мы имеем право реабилитировать только их. А как быть с людьми, ранее проживавшими на территории нашей республики, которые подверглись здесь политическим репрессиям, однако в силу различных обстоятельств оказались в других странах, и являются гражданами этих стран, в том числе и бывшего СССР? Нами по их заявлениям направляются архивные справки, подтверждающие применение к ним репрессий. Однако они по нынешнему месту проживания испытывают затруднения при получении справок о реабилитации и соответствующих льгот.

Есть и другие недостатки, которые следует устранить. Об этом нами неоднократно поднимался вопрос перед Генеральной прокуратурой Казахстана. Также прокуратурой области в нынешнем году было направлено письмо депутатам Мажилиса Парламента Республики о законодательной инициативе и внесении соответствующих изменений в действующий закон.

Имеет свои недостатки и Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Им предусмотрено, что на территории России могут быть реабилитированы граждане этой страны, подвергнутые политическим репрессиям только на территории России либо центральными судами СССР и другими центральными внесудебными органами СССР. То есть, репрессированные в других союзных республиках не могут быть реабилитированы на территории России, что также несправедливо. Имеются недостатки и в законах о реабилитации других государств бывшего СССР, а в некоторых из них даже нет таковых.

В связи со сложившейся ситуацией возникла необходимость заключения соответствующего международного договора между странами СНГ и выработки единых критериев для реабилитации жертв политических репрессий и оказания им социальной поддержки. Это было бы данью памяти погибшим, а также реальной помощью ныне живущим жертвам.

Карательная политика Советского государства

20-е годы XX века. С одной стороны развертывалась гигантская промышленная стройка, менялся уклад жизни десятков миллионов городских и сельских жителей, возрастала роль политики, проводимой центральными органами власти. С другой - решительно и безоглядно преодолевались огромные трудности на этом пути, все беспощаднее подавлялось вольное и невольное сопротивление, все менее значимой становилась ценность отдельной человеческой жизни. Огромный каток социалистических преобразований подминал под себя тысячи и миллионы человеческих судеб. «Цена» борьбы за «счастливое будущее» становилась все выше. Лидеры правящей партии проповедовали, что все стороны жизни страны советской должны быть пропитаны непримиримым духом классовой борьбы.

Сталин - руководитель и лидер партии большевиков, выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в условиях социализма. Так в советском государстве появились «враги народа». Цель этой теории слишком очевидна: расправиться с неугодными, запугать колеблющихся и сомневающихся, заставить повиноваться остальных.

Первоначально удар наносился по высшим слоям интеллигенции, так называемым буржуазным специалистам. На «вредителей», «старых» опытных специалистов были списаны все ошибки и просчеты, допущенные в ходе «великого перелома». Уничтожались последние отряды врагов нового строя. В 1927 году по всей стране были проведены 20 тысяч обысков, арестованы 9 тысяч человек из «бывших» (дворян, участников белого движения). Далее наступал черед «вторгшихся в доверие» лояльных попутчиков.

В число «врагов» были зачислены церковные и сектантские организации. В росте влияния церкви, в частности на молодежь, в новых ее идеях и формах работы для верующих партия увидела для себя огромную опасность. Проблемы духовности, нравственности, культуры, традиций, свободы выбора для человека не волновали новых вождей. Они становились «рутинным хламом» по сравнению с «великими» планами строительства социализма. В начале 1929 года на места была спущена директива, в которой указывалось, что религиозные организации оставались единственно легально действующей «контрреволюционной силой», имеющей влияние на массы. Местные органы подталкивались к развязыванию террора против служителей церкви. Арестовывались и репрессировались служители церкви, захватывались и частично разрушались храмы, соборы, монастыри, расхищались или частично передавались в музеи накопленные за столетия церковные ценности.

В 1882 - 1885 годах в Усть-Каменогорске был построен Покровский храм. Он строился на деньги торгового дома «Петров и Михайлов». В 1889 году храм был переименован в собор. В 1893 году в заречной части Ульбы была построена приписная церковь. Началом разорения Покровского собора можно считать день 11 мая 1922 года, когда был составлен акт по изъятию церковных ценностей весом в 39 фунтов с лишним. В 1930 году рабочие г.Усть-Каменогорска отказались от «опиума для народа» и объявили Рождество Христово (7 января) – Днем Индустриализации. Рабочие просили отдать Покровский собор под обслуживание культурных нужд города. Но помещение собора отдали под элеватор. 31 мая 1936 года на пленуме горсовета принимается решение о разрушении собора. Покровский собор был разобран по кирпичикам и принес властям города доход в 53100 рублей. 20 тысяч штук кирпичей было продано новостройке - маслоэкстракционному заводу, там из кирпичей собора сложили заводскую трубу. Остальные деньги пустили на неотложные мероприятия: на строительство памятника С. М. Кирову в Усть-Каменогорске и на финансирование горэлектростанции.

От репрессий пострадали и священники. Протоиерей Борис Георгиевич Герасимов родился в декабре 1872 года в г. Усть-Каменогорске в семье ссыльного нижнего военного чина из Петербурга. В 1895 году окончил Томскую духовную семинарию. После стал священником в с. Глубокое Змеиногорского уезда Томской губернии. В 1901г. отец Борис назначается настоятелем Никольского собора в г. Семипалатинске. Служение он с 1905г. совмещал с преподаванием в местной учительской семинарии. Кроме того, отец Борис занимался изучением малоисследованного и полудикого тогда родного края. Со временем стал известнейшим историком-краеведом ВК Прииртышья. Он явился одним из инициаторов создания в 1902г. Семипалатинского подотдела Русского географического общества, с 1918г. - его председателем. Много печатался, выступал с публичными лекциями, награждался за свою деятельность. В декабре 1922г. в Семипалатинске органами ГПУ был раскрыт так называемый «заговор церковников против существующего строя». По делу привлечены епископ Семипалатинский Киприан и 13 священнослужителей. Один из них - священник отец Борис. После тщательной проверки и допросов отец Борис выпущен на свободу и подвергнут штрафу в размере 500 рублей. Уголовное дело в его отношении закрыли. Наступило тяжелое время для отца Бориса. Ему запретили работать в учебных заведениях как служителю культа. Он продолжает заниматься краеведением и весьма успешно. 5 июня 1925г. за труды по краеведению Семипалатинской области отцу Борису была присуждена золотая медаль. Однако в 1929г. ему запрещают заниматься научной деятельностью как служителю культа. С 1929г. в Семипалатинске закрываются и уничтожаются храмы: в апреле 1929г. - Александро-Невская церковь, в ноябре - Благовещенская, в 1931- Кафедральный собор. Отец Борис, как священник и патриот края, начинает вести борьбу за сохранение семипалатинских храмов, защищая их как святыни и как историко-архитектурные памятники. Однако его борьба успехом не увенчалась. К 1936г. в городе стерты с лица земли все храмы, кроме Вознесенского.

В 1937г. последовала новая волна репрессий. Протоиерей Борис Герасимов вновь был арестован 28 августа 1937г. Его обвинили в создании шпионской организации церковников и вовлечении новых членов на территории области. Постановлением тройки УНКВД по ВК области от 19 ноября 1937г. все обвиняемые по этому делу прошли как члены контрреволюционной организации церковников и были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. 16 человек были казнены 22 ноября 1937г., а в ночь с 31 декабря на 1 января 1938 г. – Борис Герасимов. Реабилитирован 25 апреля 1989г.

Террор охватил без разбора все регионы, все республики. В расстрельных списках фамилии русских, евреев, украинцев, грузин, казахов и других представителей, больших и малых народов страны. Особенно тяжелыми были его последствия для тех районов, которые отличались культурной отсталостью и где в 20-30-е годы быстро формировался слой интеллигенции, специалистов. Целая группа лиц, проживающих в Уланском районе, была обвинена в создании и участии в контрреволюционной националистической организации на территории этого района. По данному обвинению было сфабриковано 36 дел, из них 29 человек приговорено к высшей мере наказания, к 10 годам заключения в ИТЛ – 7 человек. Среди обвиняемых 1 татарин, остальные – лица казахской национальности. Среди 36 человек 5 работали учителями, остальные были колхозниками и рабочими. Нелепое и страшное обвинение уничтожило невинных людей.

Риддерский горно-заводской комбинат «Риддер-золото». 1936 год. Именно в это время резко падает добыча руды на комбинате – встает вопрос о более глубокой реконструкции рудников, проходке новых капиталов выработок. Первая волна арестов в конце января прошлась по «руководящей верхушке». И по отработанной классической системе органами НКВД, в глухом таежном захолустье раскрывается группа контрреволюционеров-вредителей, «приспешников Иудушки Троцкого», «пятаковских прихвостней». Арестован главный инженер Владимир Федорович Вебер и начальник горцеха Василий Иванович Агеев. Кроме них были арестованы главный механик комбината Марков, инженеры - Смирнова, Гоникман, Толыбаев, Ометов, Мартынов, Соловьев и другие. Как руководителям производства, всем им ставилось в вину запутывание проектно-сметной документации, сознательное извращение политики партии в области зарплаты, создание условий для частых производственных аварий, поломок механизмов, незапланированных остановок агрегатов, умышленный срыв планов. На комбинате развернулась оголтелая кампания по выявлению и разоблачению «врагов народа» под лозунгом: «Смерть шпионам мирового империализма». 33-летний главный инженер комбината, В. Ф. Вебер, расстрелян по приговору суда в октябре 1937 года. Судьба его напарника по делу, Агеева, неизвестна. Всего же при «наведении порядка» в расстрельные списки конца 30-х годов попали около 60 риддерцев. А сколько было подвергнуто арестам и репрессировано – одному Богу известно!

В чем обвиняли арестованных в годы террора? Партийных активистов обвиняли в «правом уклоне» или «троцкистской контрреволюционной деятельности», простых колхозников осуждали за кражу нескольких снопов с не принадлежащего им более поля, рабочих и мастеров садили за «умышленное повреждение» машин или нелепые обвинения в шпионаже в пользу Японии, США, Франции, Китая. Например, Шодрон Луиза Александровна 1878г. рождения, место рождения – Париж, грамотная, домработница, проживала в Шемонаихе, арестована 22 февраля 1938г., обвинена в шпионаже в пользу Франции, осуждена по статье 58/10 тройкой УНКВД и приговорена к высшей мере наказания. Комуни Шайдур Шайдурович 1885г. рождения, место рождения г. Надябань (Австро-Венгрия), венгр, член ВКП(б), грамотный, проживал в поселке Чиндогутай Катон-Карагайского района, рабочий, обвинение – польский шпион с 1933г., арестован 2 июня 1938г. Катон – Карагайским НКВД и приговорен к высшей мере наказания 26 августа 1938г. Практически все дела, касающиеся иностранных граждан, волею судьбы оказавшихся в Казахстане, причислены к категории шпионов, к вышеназванной категории отнесены представители русского и казахского народов.

Среди репрессированных был известный восточно-казахстанский поэт Павел Николаевич Васильев. Он родился 23 декабря 1909г. в г. Зайсане. С 1920 по 1926 г. семья Васильевых живет в Павлодаре, Павел учится в школе. В 1927г. в Москве он поступает на рабфак искусств. В 1929г. после странствий по Сибири Васильев возвращается в Москву, учится на высших государственных литературных курсах, много печатается. В 1933г. начинается травля поэта, его старые поэмы изымаются из печати, а новые не издаются. Его называют «кулацким поэтом», а в 1935г. Васильева исключают из Союза Советских писателей. В 1937г. Павел Васильев был арестован по обвинению в совершении террористических актов против представителей власти. В заключение опального поэта пытали, заставив признать сфабрикованное обвинение. 16 июля 1937г. Павел Васильев был расстрелян.

Процентный состав репрессированных по ВКО по преступлениям (1928 – 1952) выглядит следующим образом: антисоветская агитация – 40,5 %, контрреволюционная агитация – 31,8%, участие в вооруженных бандитских формированиях – 20%, шпионаж – 6,1%, перебежчики (переход границы) – 1,02%, убийство и покушение на убийство работников советского аппарата – 0,5%. Пик арестов приходится на 1930 – 1938 гг.

Этнический состав репрессированных (%) казахи – 19,8, русские – 70, украинцы – 2,9, немцы – 3,4, остальные – 4,5.

Социальный состав репрессированных (%) колхозники - 21, рабочие - 17,3, интеллигенция - 21, единоличники - 42, военнослужащие - 1.9, священнослужители - 0.64, спецпереселенцы - 0.14, прочие - 13.9.

Никто не был застрахован от ареста. Любой невинный мог оказаться на месте репрессированных. Это было время, когда народ стал «врагом народа». Репрессии сверху дополнялись массовым доносительством снизу. Доносы свидетельствовали о тяжелой болезни общества, порожденной насаждаемыми подозрительностью, враждой, шпиономанией. Донос становился удобным средством продвижения по службе. 80% репрессированных в 30-х годах

погибли по доносам соседей и коллег по службе. Массовый террор в мирное время стал возможен в результате нарушения законности. В обход органов суда и прокуратуры была создана разветвленная сеть внесудебных органов: Особое Совещание при коллегии ОГПУ, «тройки» НКВД, Особое совещание при НКВД и др. Решение о судьбе арестованных выносилось с нарушением всех процессуальных норм. Школа воспитывала личности в духе непримиримости к «врагам народа». А ими нередко оказывались мать, отец, близкие родственники. Формировалось массовое репрессированное сознание: искреннее желание выявить «врага», что поощрялось руководством всех уровней. Штамп «враг народа» ставился на своих и «чужих», знакомых и родственников, неграмотных и академиков. Общество одобряло политику партии по борьбе с «врагами народа», еще с большим энтузиазмом строили новые города и дороги, первое метро и подземные города. Страна была разделена невидимой и подвижной границей на два лагеря: «свои» и «враги». В такой морально – психологической обстановке сопротивляющиеся режиму были не страшны.

Литература:

1.Дмитренко В. П. Шестаков В. Д. Шестаков В.А. История Отечества. XX век. М.: Дрофа.- 1995 г.

2.Жанбосинова А. С. К вопросу о массовых репрессиях в Восточном Казахстане. // Региональный вестник Востока.- Научный журнал ВКГУ. - 1999 - № 3.

3.Жарова Л.Н. Мишина И. А. История Отечества. - М. - 1992 г.

4.Королева В. Кашляк В. Казахстанский новомученик. // «Семь дней». - 2000 г.- 6 октября.

5.Немцев М. Окаянные дни по-риддерски. // «Вестник Казцинка». – 2006. - № 3. - 20января.

6.Шевченко С. «Будет вам помилование, люди…» - Павлодар. - 1999 г.

Александр Лухтанов

// Простор. - 2003. - № 7. - С.138-149

Расстрельное дело кулака Колодкина

Докладная записка от 23 июня 1929 года:

От уполномоченного по хлебозаготовкам деревни Медведки Катон-Карагайского района Семипалатинского окуга Тугорева.

Настоящей докладной запиской ставлю в известность районную оперативную тройку и прошу принятия самых суровых мер наказания к нижеследующим кулакам деревни Медведки: Колодкину Михаилу, лишенному избирательных прав, как эксплуататора, и Минину Василию, мощному середняку, который, умышленно раздробив свое хозяйство, разделился с сыном.

Категорически настаиваю на применении статей 61-й и 58-й за категорический отказ от сдачи излишков хлеба. За первым числится по постановлению собрания 100 пудов и за вторым также 100 пудов. Это одно, за

что они вполне заслуживают 61-ю статью УК, а второе то, что они являются агитаторами против хлебозаготовок, ненавидят, презирают и даже матом кроют тех, кто сдает излишки хлеба.

Факты: 1. Некий гражданин деревни Медведки Снегирев Афиноген сдал 100 пудов, столько, сколько на него наложило собрание. Колодкин Михаил назвал его за это дураком и заявил, что, сдавая хлеб, он тем самым подводит всех. Он же, Колодкин, еще зимой, когда проводилось собрание по плану обложения хлебосдачей, выступил и призвал всех вынести постановление о том, что хлеба у нас нет и план невыполним. На самом деле все оказалось не так, и хлеб имелся.

Сам Колодкин стал крестьянином кулаком после революции, а до революции был помощником и доверенным у купца, чего он и сам не отрицает. С приходом Советской власти Колодкин скрывался за границей и только в 21-м году оттуда вернулся. Все это ясно показывает физиономию Колодкина, который хочет в самый трудный момент нанести ущерб государству и обострить отношения между сознательной частью крестьянства и рабочим классом.

В связи с вышеизложенным я настаиваю на предании Колодкина суду, так как его действия направлены против Советской власти. Этот вопрос обсуждался на заседании сельсовета и все факты подтвердились.

Минин Василий от Колодкина отличается только в развитии (Колодкин более грамотен. – А. Л.), но во взглядах и неприятии Советской власти одинаков. Он также не сдает 100 пудов хлеба, настаивая на том, что хлеба нет. Он также против хлебозаготовок, заявляя, что сдатчики хлеба нас подводят, особенно изливая свое недовольство на тех, кто много сдает, например, на Снегирева, и матом кроет во всех подобных случаях. В том же духе воспитана и вся его семья. Когда сказали одному описанному (видимо, хозяину с описанным для конфискации имуществом? - АЛ.), чтобы он пригнал свой скот для продажи, и тот описанный сказал, что скот за Бухтармой (пасется. - АЛ.), боязно сейчас переплавлять - утонет. Сын же Минина добавил, что все равно, что утонет, что заберут, собаки. То есть государство обзывает собакой.

Минину Василию производилась опись имущества за несдачу хлеба, причем хлеба обнаружено не было описанного (видимо, описанного ранее? - АЛ.). И многих ценных вещей тоже не оказалось. Причем было найдено 2 пары постромок (упряжь. - АЛ.) кожаных у него во дворе под мостом (?), что еще раз подтверждает, что недавно он запрягал и хлеб спрятал. Одновременно Минин Василий заявляет, что за двор я не ручаюсь, а постромки не мои.

Я настаиваю судить их по 61-й и 58-й статьям, т.к. их действия направлены против Советской власти. Вопрос этот обсуждался на заседании с/с совместно с беднотой, и факты подтвердились.

К сему подпись.

Этот донос открывает уголовное дело кулака Михаила Колодкина - довольно пухлую и потрепанную папку, хранящуюся в Зыряновском филиале ВК областного архива.

Прежде всего, надо сказать, что большинство документов написано от руки карандашом (не было чернил или ручек?) на плохой бумаге неразборчивым почерком, так что и прочитать некоторые трудно, не то что понять смысл. Наши деды и прадеды, живущие в деревнях, не отличались грамотностью, так что чтение их писаний зачастую сродни расшифровке закодированных письмен. Редактируя этот текст, пришлось выбирать середину между тем, чтобы сохранить подлинник, дух времени и эпохи, и тем, чтобы сделать его понятным для чтения.

Но прежде надо дать справку, где происходило дело, на фоне каких событий.

Медведка - небольшая деревушка в предгорьях Алтая. Благодатный Бухтарминский край, куда еще с XVIII века стекался разный русский люд в поисках привольного и богатого Беловодья. Полное раздолье, плодородные земли, удобные для земледелия, сенокосы и пастбища с роскошным разнотравьем - хоть скот разводи, хоть занимайся пчеловодством. Рядом Бухтарма, под боком Иртыш, Зайсан, богатый рыбой, тайга с кедрачами и пушным зверем подступает к околице деревни.

В этих краях не было ни помещиков, ни крепостного права, а земли сколько угодно. Все располагало к богатой и счастливой жизни. И действительно, здесь жил свободолюбивый, бойкий народ, настоящие сибиряки, казаки и крестьяне без каких бы то ни было рабских наклонностей. Л.К.Полторацкая, публицист и путешественница, живущая в XIX веке (между прочим, жена Семипалатинского губернатора), так писала о русских обитателях Алтая: "Народ развитой, большей частью зажиточный, лихие стрелки, охотники, они держатся в отношении своего начальства более чем независимо".

Те, кто хотел и умел работать, жили безбедно. Пахали, сеяли, занимались скотоводством, пчеловодством, торговали, а на вырученные деньги обеспечивали себя всем необходимым для жизни. Но пришла революция, а с ней гражданская война и разруха. С введением ленинского военного коммунизма хлеб у крестьян просто отнимали, проводя так называемую продразверстку. Взамен государство не давало ничего, что, естественно, вызвало законное негодование крестьянства, особенно среди зажиточной его части, которое страдало больше всех. Начались бунты и мятежи. В июле 1920 года восстали с оружием в руках крестьяне Бухтарминского уезда с центром в селе Большенарымск (в 50 км от Медведки). Восстание через несколько дней было жестоко подавлено, участников мятежа расстреляли, часть убежала в горы (белки), некоторые ушли за границу в Китай.

Можно сказать, что местное население впервые за много лет получило урок жестокости, что, конечно же, поселило в их сердцах страх и сделало их более законопослушными.

В 1921-1923 годах Ленин дал передышку, введя НЭП, и продразверстку заменил продналогом. Но уже через несколько лет снова начались поборы крестьян, особенно усилившиеся к 1929 году. Выжимая из крестьян «излишки» хлеба, представители властей проводили собрания, где сами хлеборобы в

добровольно-принудительном порядке облагали себя и своих соседей нормой сдачи зерна.

В деле нигде не упоминается грядущая коллективизация, но уже чувствуется ее приближение. Сталину было ясно, что главными противниками ее будут зажиточные, то есть кулаки. В воздухе уже витал лозунг «уничтожение кулачества как класс». Об этом и свидетельствует дело Колодкина, возможно, директивно спущенное сверху. Нужен был показательный процесс, чтобы, запугав людей, заставить их быть податливыми и робкими.

Получив докладную записку, помощник уполномоченного Семипалатинского ОГПУ (Главное политическое управление - преемник ВЧК, предшественник КГБ) Кривошеев И.С. дал делу ход, усмотрев, как он сам пишет в постановлении, состав преступления и посему завел следственное дело на предмет привлечения виновного к ответственности, согласно статьям 58-й и 61-й УК.

О том, какое важное значение придавали делу, свидетельствует скорость его производства. От доноса до вынесения приговора прошло всего 10 дней, а ведь за это время одних только показательных собраний было проведено 4 в разных деревнях, в деталях опрошена масса свидетелей, произведен обыск в избе Колодкина и сам он трижды допрошен.

Из протокола допроса жителя д. Медведки, середняка, кандидата ВКП(б) Передерина Фомы Яковлевича, 1903 года рождения.

Вопрос. Что вы можете сказать по делу Колодкина о его антисоветской деятельности в с. Медведки?

Ответ. При царизме Колодкин был доверенным у крупного торговца Сорокина.

В 20 году перед кулацким восстанием против Советской власти за контрреволюционную агитацию был арестован и находился под арестом в с. Большенарымском. Вскоре после его ареста началось восстание, и повстанцами он был освобожден из-под ареста. Здесь, в этой местности, главой повстанцев был Сорокин Василий, житель с. Медведки, а Колодкин у него был как правая рука, как помощник или заместитель. Под его руководством были арестованы партийцы и сочувствующие Советской власти бедняки, как-то: Печеницыны Василий и Алексей (б/п), Пешинцев Петр (б/п), Кочнев Григорий (б/п) - ныне член ВКП(б) и многие другие, которых я сейчас не помню.

Когда указанные выше находились под арестом, то последний приказывал часовым: «Ни одного гада не выпускайте, пусть сидят». Под его же руководством были издевательства над арестованными. Избили бандиты Филипова Константина, Басаногова.

Накануне ликвидации банды он эмигрировал и Китай, где и пробыл до 22-го года, а затем приехал в Медведку.

В конце 28-го года Колодкин на одном из общих собраний по вопросу о хлебозаготовках, несмотря на то что он лишенец, присутствуя, говорил: «Нужно отвечать, что хлеба у нас нет ввиду неурожая». На второй день на мои

слова об агитации он сказал: «Я хотел сделать хорошее дело для общества, говоря об отсутствии у нас хлеба».

Числа 17-18 июня 29 года после неоднократного предложения ему о сдаче излишков хлеба он упорно не сдавал, тогда я и председатель с/сов, пошли к нему и начали предлагать сдать излишки, на что он отвечал: «Грабители вы со всей своей советской властью. Вы только грабите, я хлеба не сдам». Но через некоторое время, как видно, уговорила его семья, он сдал 50 пудов.

Примерно то же самое подтвердили и остальные свидетели, односельчане Колодкина, причем с явной готовностью. Вряд ли ими руководила ненависть к своему соседу, как неоднократно говорил сам Колодкин, врагов в деревне у него нет, за исключением 2-3 человек. Скорее всего, все дело было в страхе перед представителем власти, говорили то, что нужно было оперуполномоченному. Ведь если не обличишь «врага», то и самого к ним могут причислить.

Из показаний свидетеля Пастухова Н.Л., 1908 года рождения:

«Весной 1929 года во время проведения самообложения в помещении сельсовета и в присутствии человек 15 Колодкин сказал: «И куда это все они девают, насытятся ли они когда нашими деньгами?»

Из показаний свидетеля Печеницына В. 1880 года рождения:

«Колодкин - это «отъявленный враг советской власти. Указать точно факты не могу, так как он очень хитрый и при мне ничего не говорит».

Из показаний свидетеля Трушина П., 1882 года рождения:

«В беседе со мной Колодкин говорил: «Советская власть сильно жмет, как бы не было восстания против нее. Если будет восстание, то не нужно соблюдать классовый принцип, надо всем идти вместе».

После допроса свидетелей помощник уполномоченного ОГПУ издал постановление: мерой пресечения от уклонения от суда и следствия обвиняемого Колодкина избрать заключение под стражу и содержать при Медведкинском сельсовете.

Личное дело М.Колодкина из протокола его допроса помощником уполномоченного ОГПУ Кривошеева И.С:

Год и место рождения: 1881 год, деревня Огнева Зыряновского района

занятие: хлебопашество

имущество - пятистенный дом, крытый тесом, с надворными постройками, амбар, 4 лошади, 5 коров, 6 овец, 4 десятины пашни, 2 бороны, 1 ходок, 1 телега

семейное положение: женат, 6 человек детей от 4 до 19 лет образование: сельская школа

политические убеждения: сочувствующий Советской власти, беспартийный.

До 1916 года служил приказчиком у купца Сорокина П.У. В 1916 году был мобилизован в царскую армию, где прослужил рядовым в строевой команде до марта 1918 года. С арестом временного правительства Керенского вместе со всей воинской частью перешел в Красную армию и демобилизовался в том же году. До декабря 1919 года жил в Медведке и служил у торговца Сорокина, после этого занимался сельским хозяйством. С сентября 1923 по февраль 1926 года в Казгосторге в качестве агента по заготовке пушнины.

Судимости. В 1920 году был арестован перед восстанием и сидел в Большенарымске, был освобожден повстанцами, затем ушел в Монголию, откуда вернулся в декабре 1921 года. Следственное дело по ответственности, как бандита, прекращено, на что имеется справка от погранпоста.

Из протокола дополнительного допроса обвиняемого М.Колодкина:

Вопрос. Говорили ли вы когда-либо, что хлеба у нас в Медведке нет?

Ответ. Никогда я этого не говорил.

Вопрос. Говорили ли вы гражданину Снегиреву, чтобы он не сдавал хлеб?

Ответ. Никогда я не говорил. Наоборот, когда меня некоторые спрашивают, куда идет хлеб, то я им отвечаю: «Одна Москва требует до 100 тысяч пудов печеного хлеба в сутки, так что наш район в состоянии прокормить одну Москву только один месяц, а таких городов, как Москва, много. Они хлеба не сеют».

Вопрос. Что вы можете сказать по поводу обвинения вас в агитации против хлебозаготовок.

Ответ. Я думаю, что это личные счеты со мной со стороны некоторых лиц. Например, с Фомой Передериным на почве общественной работы. Одно время я был старшим, и он не выполнил то, что должен был сделать, а я вынужден был его принуждать.

Вопрос. Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ. Виновным себя не признаю.

Читая эти документы, представляешь обыкновенного русского мужичка, может быть, не очень казистого, по себе на уме, умеющего за себя постоять, с твердым характером, но несколько прямолинейного. Он не прятался за спины других, говорил то, что думал, за что и поплатился. Говорят же, что «язык мой - враг мой».

Позже был плакат: «Болтун - находка для врага». Вот враг и нашелся, только не где-то за рубежом, а у себя дома.

Из протокола обыска 26 июня 1929 года на квартире гр. Колодкина М.:

При обыске обнаружено и изъято:

1. обойма от трехлинейной винтовки
2. шесть трехлинейных гильз от патронов
3. одна пуля (без гильзы)
4. китайская монета медная

5. именная медная печать (приказчика?)

6. малого размера подсумок в/образца

7. удостоверение № 703 Казгосторга на имя Колодкина

8. две фотографические карточки, на одной из которых изображен Колодкин с семейством и вторая с изображением Кошкина с семейством,

Перечисленные предметы упомянуты в акте обыска, видимо, как вещественные доказательства участия Колодкина в восстании 1920 года.

Справка (написана каракулями):

«Дана настоящая окружному прокурору в том, что гражданин Колодкин М.И. лишен права голоса с 1920 года на основании инструкции ст. 13 и 14 п.п. в.з. как перекупщик, спекулянт, активист восстания 1920 г. (бандит), не проявивший себя в общественно полезной работе за 11 лет советской власти.

Что подтверждаю приложением печати - председатель Медведковского сельсовета. Подпись».

На этой стадии работник ОГПУ посчитал, что следствие закончено и вина Колодкина полностью доказана. Написав обвинительное заключение, он переслал его окружному прокурору в Семипалатинск, а тот, приняв эстафету, поспешил незамедлительно передать дело суду для рассмотрения его на выездной сессии. Но прежде надо было заручиться поддержкой народа, для чего были проведены собрания в близлежащих деревнях для осуждения Колодкина, а вместе с ним и всех кулаков, уклоняющихся от сдачи хлеба.

Выписка из протокола заседания Солдатовского сельсовета в числе 32 членов в присутствии бедноты села Солдатово в числе 27 человек и бедноты села Медведки в числе 39 человек от 29 июня 1929 года.

Постановили:

«Ходатайствовать перед соответствующими органами пролетарской власти о применении высшей меры наказания - расстрелу к кулаку и бандиту Колодкину Михаилу, а также и ко всем остальным, добровольно не желающим раскапывать свои ямы и сдавать хлеб государству».

Выписка из протокола собрания группы бедноты села Бураново Катон-Карагайского района, состоявшегося 3 июля 1929 года в присутствии 56 человек.

Постановили:

«Рассматривая деятельность гражданина Колодкина М., беднота определяет ее как антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную на срыв хлебозаготовок. Собрание считает, что таким элементам нет места среди трудящегося крестьянства, и требует от пролетарского суда суровой меры наказания Колодкина с обязательной высылкой его за пределы округа после отбытия наказания, и впредь ко всем подобным применять самые суровые

меры, как-то: пятикратное самообложение хлебосдачи с употреблением его на нужды села».

Обращает на себя внимание дата собрания - 3 июля. Большая, должно быть, была спешка, что в тот же день начался и суд.

Аналогичные постановления вынесли и собрания двух других сел. Вынося столь жесткие решения, никто не вспомнил, что у Колодкина 6 детей, начиная с четырехлетнего возраста. Впрочем, решения, скорее всего, были спущены сверху, а голосовать против Советской власти никто не решался.

Суд проходил в селе Солдатово с 3 по 6 июля. Видно, крепко торопило начальство, коль суд начался в 19.20 вечера и проходил при свете керосиновых ламп и закончился в 2 утра. Как и все темные сталинские дела, приговор читался глубокой ночью.

Из речи М.Колодкина на суде:

«При царе я был мещанином и общественной работы никакой не отбывал, так же, как и при Колчаке.

Сорокина я знаю с малых лет, у него воспитывался с 14 лет. Сорокин мой родственник, его жена родная сестра моего отца. У него я служил приказчиком 1 разряда и получал с оборота, и относился ко мне Сорокин хорошо. Сорокин торговал разными товарами, и отношение его ко всем служащим было одинаковым.

По образованию я, не окончивший сельскую школу.

У Сорокина я работал до конца 1919 года. Сорокина расстреляли в Усть-Каменогорске, но за что, я не знаю.

Советская власть началась у нас в декабре 1919 года, потом в 1920 произошло восстание, до которого за две недели я был арестован, но не знаю, за что. Нас было двое - я и Бородулин. Мы были освобождены повстанцами, идущими против Советской власти, то есть бандитами. Оттуда (из Большенарымска. - АЛ.) на своей лошади я уехал в Медведку, Подошел к сельсовету, а там собралось человек 50, с которыми я и поехал в Большенарымск. Не доезжая Большенарымска, наш отряд получил бумагу, предписывающую двигаться в сторону Катон-Карагая. Отъехав верст 7 от Медведки, мы встали на ночь на Кордоне. Ночью услышали выстрелы и в панике кинулись в разные стороны, откуда я и побежал за границу. От нашей артели много осталось в живых, они и сейчас не расстреляны.

Будучи за границей, я работал в кузнице. Зарабатывал лишь средства для жизни. Китайские власти нас там не преследовали, был я там, в Чинкуре, от границы верст 120.

Из заграницы я вернулся в начале 1922 года. Бежал я туда потому, что время было горячее и могли бы меня расстрелять. В восстании я участвовал частично рядовым, невооруженным. После прихода из заграницы меня сразу лишили голоса. Тогда хозяйство у меня было 2 лошади и 2 коровы. Работников я не имел, но за отсутствием лошадей и инвентаря я нанимал пахать. Голоса меня лишили как эксплуататора неправильно, о чем я возбуждал ходатайство, но ответа не получил.

Торговать я стал в 1926 году вощиной и занимался этим всего 2 месяца. В 1927 году я служил в Казгосторге агентом.

В 1927 году хлеба я не сдавал, а продал 70 пудов проезжающим.

В 1927 году семья у меня была 8 человек. Хлеба намолотил 400 пудов, из которых 70 продал, а остальной хлеб употребил на еду и на скот, а государству не сдавал и с меня не просили, потому что они ссыпали в мой амбар хлеб селькресткома и видели, что у меня хлеба нет. В 1928 году я сеял 4 с половиной десятины, намолотил приблизительно 400 пудов, из которых государству сдал 121 пуд, израсходовал на семью - 112 пудов, на сторону не продавал, на семена оставил 60 пудов, остальное скормил лошадям и птице.

На собраниях в 1929 году я был два раза. С односельчанами я разговаривал о снижении своего посева из-за отсутствия семян. Больше, кроме хозяйственно-семейных разговоров, ни о чем не говорил. Ссорился я, верно, с двумя-тремя людьми, больше врагов у меня нет, поскольку зла я никому не приносил. Из говорящих о том, что хлеба нет, являлись в большинстве случаев бедняки. Снегиреву по поводу сдачи хлеба я ничего не говорил. О том, что Советская власть душит, ни с кем не говорил, а наоборот, она дала возможность поднять свое хозяйство. Например, я повысил свое хозяйство благодаря получаемой зарплате в Казгосторге. О классовом расслоении я ничего не говорил»

Речь очень длинная, путаная, с множеством повторов. Записана она отрывками, записывающий явно не владел стенографией и не успевал, делал пропуски, отчего запись местами носит несвязный характер.

Начал Колодкин с того, что полностью отрицал почти все предъявленные против него обвинения, но, видимо, под давлением вопросов, рассказал многое, и в частности о том, как проходило восстание 1920 года. По этому рассказу, дополненному показаниями свидетелей, можно представить, что мятеж носил массовый характер. Даже в маленькой Медведке три кузнеца ковали пики и участие принимал и сельсовет. Достаточно сказать, что у восставших был красный флаг.

Приговор

Именем Автономной Казакской Советской Социалистической Республики Российской Федерации

1929 года июля 3, 4, 5, 6 дня. Выездная сессия Семипалатинского окружного суда в составе председательствующего уполномоченного окрсуда Воронцова, нарзаседателей Вахрушева, Масляникова, с участием сторон председателя государственного обвинения окружного прокурора Кибардина и общественного защитника Буткевича, при секретаре Казинцеве в открытом судебном заседании в с. Солдатово Катон-Карагайского района Семипалатинского округа, рассмотрев уголовное дело Колодкина, нашла:

Антисоветская деятельность кулака Колодкина начала особенно проявляться в с. Медведки с момента проведения хлебозаготовительных кампаний 1928-1929 года и приняла систематический характер как раз в тот момент, когда перед пролетарским государством встал остро вопрос о

необходимости выполнения общего государственного плана по хлебозаготовкам.

Обвиняемый Колодкин, являясь фактическим руководителем зажиточно-кулацкой части села Медведки, с которой он связан родственными узами, вместе с более авторитетной частью кулачества стали принимать меры, ведущие к срыву хлебозаготовок в данном селе. Для этого обвиняемый Колодкин всеми способами и путями начал создавать у населения мнение об отсутствии в деревне Медведки излишков хлеба. Но чтобы это провести на деле, он, будучи лишен избирательных прав и голоса, пользуясь слабостью общественных работников деревни, сумел пробраться на одно из общих собраний, где обсуждался вопрос о хлебозаготовке, и на этом собрании, выступая по докладу, старался доказать населению необходимость вынести решение о том, что в деревне Медведки нет хлеба, говоря: «Надо нашему П.О. довести до сведения кого следует и сказать, что хлеба в Медведке нет». Видя, что его предложение не прошло, обвиняемый Колодкин приступил к систематической агитации среди крестьян, используя для этой цели все сборища в свободное от работы время односельчан, всячески доказывая, что отказ от сдачи хлебных излишков поможет крестьянству отказаться от выполнения наложенного хлебозаготовительного плана, а на возражения сознательной части бедноты и середнячества говорил: «Внося это предложение об отсутствии хлеба, я хотел для общества сделать лучше».

Эта агитация все же не могла не повлиять на нормальный ход хлебозаготовок, вследствие чего в мае-июне месяце вопрос о необходимости усиления хлебозаготовительной работы встал вплотную. Кулак Колодкин, видя, что его работа не пропала даром, стал нащупывать почву среди населения, какого оно мнения насчет мероприятий Советской власти. Так, например, в начале мая в разговоре о хлебозаготовке с односельчанами бедняками он говорил: «Советская власть сильно жмет, как бы не было восстания». Затем, продолжая разговор, добавил: «Если только будет восстание, то не нужно придерживаться классового принципа, надо идти всем вместе».

Июнь-месяц для кулака Колодкина явился широким полем антисоветской деятельности, он старался вызвать недовольство со стороны бедноты. 10 июня в присутствии односельчанина бедняка сказал: «У нас хлеб заберут, а беднота пусть дохнет с голода». Через несколько дней, встретив одного из членов ВКП(б) местной сельской ячейки, Колодкин заявил: «Снова делаете перегибы, дедушка Калинин узнает, снова вздует кого следует за это». Этим самым обвиняемый Колодкин взял линию на запугивание бедноты голодом, а активную общественность села - перегибами с целью ослабления проводимого жесткого нажима на злостных несдатчиков хлебных излишков, которыми является зажиточно-кулацкая часть села, возглавляемая Колодкиным.

Сельской комиссией неоднократно предлагалось Колодкину сдать наложенные на него общим собранием села Медведки 150 пудов, но последний всячески симулировал сдачу, мотивируя, что он ничего не имеет, о чем и давал подписки. Через некоторое же время под более сильным нажимом все же производил сдачу. Учитывая, что Колодкин имеет хлеб, комиссия в последний раз предложила ему сдать, тогда он по адресу члена комиссии Передерина -

председателя сельсовета -выразился: «Грабители вы со всей Советской властью, вы только грабить умеете». Числа 16-17 июня кулак Колодкин, напившись пьяным, идя по улице, выразился нецензурными словами в адрес представителей местной власти и работников по хлебозаготовкам, говоря: «На меня наложили 150 пудов, но я им не сдам, пусть сами идут и ищут. Если найдут и заберут, то у меня завтра еще будет хлеб». Кроме того в присутствии односельчан бедняков заявил: «Я им 150 пудов не сдам. Если бы Чемберлену, то сдал бы и 200 пудов». Это говорит о том, что Колодкин, имея в своем распоряжении излишки хлеба, упорно отказывался от сдачи, ненавидя Советскую власть.

За время демонстрации граждан села Медведки в 10-ю годовщину Октябрьской революции кулак Колодкин, явившись в нетрезвом виде на митинг, во время доклада делал выкрики: «Сколько вас, сушеных, пойдет на фунт».

Кулак Колодкин хорошо известен бедноте окружающих сел еще по бандитскому восстанию против Советской власти в 1920 году, в котором обвиняемый Колодкин играл немаловажную роль, производя террористические действия, обыски, аресты, угрозы и т.д. После разгрома банд Колодкин вместе с остатками банд бежал за границу в Китай, В 1921 году Колодкин вернулся из эмиграции, поселившись в селе Медведки, где он среди зажиточно-кулацкой части населения пользовался большим авторитетом. Последняя в свою очередь крепко еще держала бедноту в руках, которая боялась заявить соответствующим органам о бандитской деятельности Колодкина. Таким образом, Колодкин избежал ответственности перед пролетарским судом за совершенные им злодеяния, а привлекался к ответственности за переход границы Бухтарминским Политбюро.

Колодкин являлся воспитанником купца-спекулянта Сорокина и ни в коем случае не может считаться крестьянином, т.к. до Октябрьской революции занимался торговлей, был поверенным спекулянта Сорокина, вел торговлю с заграницей и в то же время имел сельское хозяйство, в котором эксплуатировал чужой труд.

По имеющимся материалам в деле, приобщенных государственным обвинителем во время судебного следствия, вся советская общественность, беднота и середнячество окружающих сел требуют суровой меры наказания по отношению кулака, бывшего бандита Колодкина.

Вся антисоветская деятельность обвиняемого Колодкика сводилась к подрыву политэкономической мощи пролетарского государства в момент чрезвычайно острого положения в снабжении рабочих и неурожайных районов СССР продовольственным хлебом.

Обвиняемый Колодкин путем агитации задерживал нормальный ход хлебозаготовок, находящаяся под его влиянием зажиточно-кулацкая часть деревни упорно задерживает сдачу своих излишков хлеба и тем самым наносит политэкономический вред Советской власти, что является злостным вредительством социалистического строительства деревни.

Заслушав показания обвиняемого, свидетелей, после обмена мнениями государственного обвинения и общественной защиты (обвиняемый виновным себя не признает), суд нашел, что предъявленное обвинение Колодкину свидетельскими показаниями и имеющимися в деле материалами вполне доказано, а посему на основании вышеизложенного приговорил: обвиняемого Колодкина Михаила Ивановича, кулака, лишенного права голоса за бандитизм, подвергнуть высшей мере социальной защиты - расстрелять.

6 июля 1929 года, 2 часа утра.

Ниже стоит подпись Колодкина, ознакомившегося с приговором.

Четкая, ясная, без дрожи. Люди уже начали привыкать к расстрельным приговорам и воспринимали это как обычное дело.

Колодкин воспользовался правом опротестовать решение суда, и дело было направлено на пересмотр в коллегию кассационного суда в Алма-Ате. На сопроводительном листке текст перечеркнут надписью красным карандашом: «расстрел». И вот почти чудо: уголовно-кассационная коллегия Казахского Верховного суда нашла жалобу Колодкина обоснованной и постановила заменить расстрел на 10 лет лишения свободы с поражением прав на десять лет. Трудно сказать, что это: проявление милосердия, самовольство судей или нужда в рабах на стройках тогда еще социализма. Но не стоит обольщаться столь «счастливым» исходом. В Сибири есть поговорка: «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву». Почти так и вышло.

В 1989 году в Зыряновский архив пришла сухонькая старушка, оказавшаяся родной дочерью Колодкина - Прасковьей Ивановной. Да, да не Михайловной, а Ивановной. Тогда ведь заставляли отрекаться от родителей «врагов народа». Плача, она рассказала свою судьбу: «Дом, имущество, все описали и конфисковали. Всех, вместе с детьми погнали в далекую Караганду. По дороге умерли трое: две маленькие сестры и брат. Их закопали, бросив в яму. И отца и мать отправили в лагерь. Мать умерла в первый же год. Отец - во второй. Детей отдали в детдом. Не знаю, как и сама я выжила, было-то мне всего 7 годков. Караганда-то ведь вся на костях стоит. Вот пришла, может, компенсацию дадут за дом. Хочу бедным раздать, помянуть своих родителей, пришлось им, бедненьким, помучиться».

Так закончилась история семьи Колодкина, похожая на миллионы других, замученных Сталиным. Имя «отца народов» в деле нигде не упоминается, но именно он сказал: «Репрессии являются необходимым элементом наступления». Впереди было самое решительное наступление на деревню - всеобщая коллективизация с разорением крепких крестьянских хозяйств, с массовыми расстрелами, конфискациями, голодом и выселением в отдаленные районы целых семейств. Репрессии стали важнейшей частью государственной политики, и Колодкин стал одной из первых ласточек, после него карательные меры применялись столь часто, что расправлялись уже без суда, достаточно было дела, заведенного тройкой - местными органами советской власти. И вот тогда уже пришла очередь и остальных, таких, как выступавший против Колодкина свидетель Снегирев. Ведь он-то был побогаче самого Колодкина!

В результате было не только ликвидировано кулачество, как класс эксплуататоров, но и порушено и разорено все крестьянство. Сельскому хозяйству страны был нанесен такой удар, что и сейчас, спустя 60-70 лет, оно никак не может оправиться. И дело не только в том, что потерян генофонд трудовиков, как называли себя сами кулаки, но и в умах людей произошел переворот, когда у крестьянства исчез стимул жить зажиточно, богато.

Менгали Мусин
// Устинка плюс. - 2010. - 11 февраля. - С. 7.

Кровавый февраль 1930-го

Мятеж на Бухтарме, охвативший и Усть-Каменогорский район, возглавил Ф.Д. Толстоухов. В 1914 году, будучи в рядах партии эсеров, он был сослан с Северного Кавказа в Западную Сибирь, а через два года - еще дальше, в станицу Большенарымскую. В 1918 году примкнул к большевикам, стал членом Бухтарминского ревкома, участвовал в подавлении колчаковщины в качестве комиссара партизанского полка «Красные горные орлы Алтая». Избирался делегатом XI съезда РКП, слушал Ленина.

Курс партии на коллективизацию не принял, за что был исключен из партии. Опираясь на антисоветское настроение деревни, подготовил первое в Казахстане вооруженное выступление русского крестьянства против колхозов.

- Мы со всех сторон обложены...
- До лета нас переловят, как куропаток...
- И тогда вся подготовка, все жертвы окажутся напрасными...

Разговор велся в группе руководителей повстанцев на пасеке, стоявшей в глухом ущелье. Была середина февраля. За полмесяца ряды готовых выступить, считая и сочувствующих, поредели человек на сорок. В обоих сопредельных районах - Зыряновском и Усть-Каменогорском - милиция рыскает днем и ночью. Растет и сопротивление. Так, командированного на подмогу Верхубин-Убинским волостным парткомом, Петра Бочкарева какой-то злоумышленник подстерег в поздний час и убил из-за угла. В селении Поперечном выстрелили в окно в заведующего хлебоприемным пунктом Круглова, да промахнулись. Пуля сразила наповал безвинную хозяйку дома.

Загорелось подворье председателя Быковского сельсовета. Там же, сломав изгородь, выпустили на волю маралов - лишь бы не достались колхозу, порушили оборудование дегтярного заводика. В Соловьево трое в масках избили ночью секретаря партячейки. В Кондратьево и Васильевке сорваны собрания по организации колхозов.

К актам насилия штаб повстанцев никакого отношения не имел. Имела место стихийная реакция на притеснения. У Ивана Ширигина отобрали мельницу, построенную еще дедом. Бурнашову преподнесли неподъемный индивидуальный план сдачи хлебных «излишков». Чебаков - пролетарий, то

есть в доску свой для новой власти, но и ему пригрозили: «Не вступишь в колхоз, в кузнице работать не будешь!» - «А как же насчет добровольности?» - осмелился он спросить. Ответили очень интересно: «Добровольно в колхозной кузнице может работать только колхозник».

Словом, обстоятельства складывались не в пользу повстанческого движения. Как не прикидывай, получалось так, что другого пути, кроме как начать восстание, вовлекая в него и стихийные выступления крестьян, не остается. Днем начала восстания определили 20 февраля. За оставшуюся неделю требовалось оповестить и привести в состояние готовности все отряды и опорные пункты.

КРЕСТОВКА. Федор Толстоухов, перебравшись сюда с десятком сподвижников, на заре поднял здешний отряд. Захватив сельсовет и арестовав членов партячейки, повстанцы собрали население на летучий митинг.

ЧИСТОПОЛЬКА. Самым приметным строением здесь был дом торговца мануфактурой Петра Иванова. С недавних пор над ним висел красный флаг.

«Долой краснуху!» крик раздался из плотной толпы, подступившей к крыльцу. Кто-то сбил флаг, кто-то распахнул дверь и метнулся внутрь. На втором этаже сельсоветчики только что начали очередное заседание. Их спустили в подвал.

ЗУБОВКА. Как и Толстоухов, начальник штаба, бывший полковник царской армии, Зинковский утро двадцатого февраля встретил не дома, а у кузнеца Чебакова. Здешний отряд пребывал в полной боевой готовности. Зубовский колхоз повстанцы объявили распущенным. Сведенный на общий двор скот крестьяне тут же разобрали. А Чебаков, выставив охрану у хлебных амбаров, занялся организацией круговой обороны.

МЯКОТИХА. По расчетам штаба, карательные силы, выступив из Усть-Каменогорска, могли достигнуть района междуречья Бухтармы и Мякотихи 24-25 февраля. Там и планировалось завязать бой, разбить карателей и двинуться на соединение с повстанцами северных районов. В самом городе готовилось восстание заключенных пересыльной тюрьмы. Большинство их составляли репрессированные кулаки...

Власть в треугольнике сел Мякотиха, Кондратьево и Васильевке (с Поперечным по центру) взяли отряды Бурнашова и Ширигина. Через улицы протянулись лозунги «Да здравствуют Советы без коммунистов!», «Долой колхозы!», «Мы - за свободный труд!».

А шел всего третий день мятежа. Сквозь февральские метели, преодолевая заносы на горных дорогах, шли и шли к взбунтовавшимся деревням карательные отряды. И не только шли. В районе уже стреляли, рубили, кололи. Чернел от пороховой гари снег, окрашивался мужицкой кровью.

...О мятеже власть в Усть-Каменогорске впервые узнала не от вестовых, как в Зыряновске, а случайно. Сначала дошли вести о нервозной обстановке в селах нижнего правобережья Бухтармы. Начальник районной милиции Михаил Рыбак получил задание навести там порядок. Выехал с вооруженной группой комсомольцев. Конечным пунктом маршрута была станица Бухтарминская. Добирались до нее по льду Иртыша.

Прибыв на место, Рыбак сообщил по телефону, что обстановка складывается нервозная, повсюду проходят бурные, не всегда управляемые собрания, выступают и казахи, а перевести на русский некому. Рыбак просил прислать переводчика. Райком тотчас командировал преподавателя райсовпартшколы Закия Куленова и двух слушателей. Но они в Малой Феклистовке попали в руки конного разъезда толстоуховцев, который, прибыв из Чистопольки, прочесывал ближние подступы к городу. Арестовав Куленова, старший разъезда завернул слушателей на их же санях обратно. Из их сбивчивого рассказа директор школы Григорий Семеняк понял, что в деревне, до которой рукой подать, хозяйничает некая вооруженная группа.

Пока в райкоме формировали комсомольский отряд, прибыл и сам Куленов, которого освободили местные жители. Он сообщил то, что услышал от толстоуховцев: в Чистопольке власть в руках восставших, колхоз распущен, коммунисты сидят под арестом. Восстание охватывает другие горные и прибрежные села.

Комсомольский отряд, пополненный двумя десятками новых бойцов, вооруженных в основном малокалиберками из арсенала райкома Осоавиахима, двинулся не на юго-восток, в Малую Феклистовку, а строго на восток - в Чистопольку, куда вела по ущелью извилистая дорога.

В город поступали сообщения одно тревожнее другого. По этой причине даже торжественное собрание в Народном доме в связи с 12-й годовщиной РККА прошло наспех. В этот же вечер при участии срочно прибывшего в район начальника окружного отдела ОГПУ Ефима Бака были сформированы еще два отряда. Первый - в сорок штыков - повел военрук средней школы имени Ушанова Виктор Шайтанов, второй - военком Семененко. Задачей первого было перед поселением Северное повернуть круто влево, в сторону Чистопольки и освободить это село. Ибо комсомольцы с малопульками, как донес их вестовой, потерпели поражение и ушли на соединение с отрядом Рыбака. Собственно, они и должны были это сделать, но после взятия Чистопольки, что оказалось не по силам.

Шайтановцы овладели селом без единого выстрела. Выделенная группа в поздних сумерках бесшумно нейтрализовала дозорных в избушке на окраине села. Те выдали пароль. Это помогло группе нейтрализовать конный патруль и часового у штаба.

Отряд Семененко спешил на помощь отряду Михаила Рыбака, которому следовало освободить Мякотиху. Но сначала группировка сосредоточилась в станице Бухтарминской. Вскоре сюда прибыл уполномоченный республиканского ОГПУ Богданов, который, не мешкая, отправил донесение шефу сыскного ведомства Волленбергу. А тот не замедлил положить на стол секретаря Казкрайкома партии Ф.И. Голощекина депешу, поступившую с переднего края. Филипп Исаевич, который во всеуслышание заявлял о триумфе колхозного движения, был обескуражен. Тем не менее, информацию о мятеже представил Сталину.

В это время Михаил Рыбак, проанализировав данные конной разведки, одновременно повел наступление на Поперечное и Кондратьевку. А село Дородницы, расположенное северо-западнее злополучного «треугольника», повстанцы во главе с лжеучителем Зинковским превратили в сильный опорный пункт. Рыбак имел от окружкома ОГПУ установку координировать свои действия по освобождению Зубовки и Дородниц с действиями отрядов, высылаемых из Зыряновска. Зинковского предлагалось взять живым.

Командиры же повстанческих отрядов никакой военной подготовки, если не считать службу рядовыми в царской армии, не имели. Тем не менее, именно им предопределилось оказаться лицом к лицу с рьяным бойцом социализма Михаилом Рыбаком и его «штыками». Правда, в натуре штыки имелись не у всех «рыбаков», но все же вооружены они были не берданками, не самодельными пиками, как многие в противостоящей стороне.

Рыбаковцы взяли Зубовку не с ходу. Они были свидетелями, как повстанцы группой в сорок человек пытались уйти на противоположный берег Бухтармы, проваливались в воду, течение реки затягивало их под лед.

Село Дородницы каратели взяли приступом. Зинковский попал в плен, раненным в руку. Среди убитых оказался и сам Бурнашов.

Толстоухов, находившийся с отрядом в Алтайке, знал ситуации в мятежных селах. И сделал вывод: зря тешил себя надеждой на то, что стоит выступить крестьянам Бухтармы, как движение сразу охватит другие районы, станет всесибирским. С тем отряд махнул через Иртыш, чтобы по левобережью перебраться за кордон.

К концу февраля ружейная трескотня в мятежных селах сменилась стенаниями. Многие из плененных нашли упокой в Шмелевом догу Усть-Каменогорска. Сам Толстоухов летом следующего года зачем-то вернулся, скрывался в окрестностях Тургусуна и был застрелен при попытке спуститься на лодке по Бухтарме в Иртыш.

Два вопроса к современникам

Сегодня мы являемся свидетелями осуществления - без кровопролития - идеалов, во имя которых сражались и гибли крестьяне Бухтарминского края. Не стало ни колхозов, ни совхозов, и даже самой советской власти нет. Хотя, толстоуховцы не призывали к роспуску советов, они были за советы без коммунистов.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ. По нынешним критериям Толстоухов и его сподвижники не являются бандитами, как они однозначно именовались прежним режимом. Так как же их теперь называть?

ВОПРОС ВТОРОЙ. Если Толстоухов и все те, кто пошел за ним, боролись за возвращение деревни к истокам нормального хозяйствования, не пора ли реабилитировать бухтарминских повстанцев в адресном порядке и подумать, хотя бы в год 80-летия Толстоуховского мятежа, об увековечении памяти его лидера и всех жертв карательных операций?

Алексей Еремеев

// Устинка плюс.- 2010. - 27 мая. - С. 9.

Мой дед строил Беломорский канал

Тяжело вспоминать время 1930-х годов прошлого века. Но делать надо - для потомков и правдивой истории, чтобы такие события не повторились больше никогда.

Мой дед Еремеев Дмитрий Григорьевич, 1879 года рождения, жил с незапамятных времен в деревне Тарханка Глубоковского района. В деревне он считался Бурановым. Откуда эта вторая фамилия, мне неизвестно. Семья деда была большая, семь дочерей и один сын - мой отец Александр Дмитриевич, 1902 года рождения. И еще приживальцы - сироты Устинья (впоследствии стала Афанасьевой), Лидия (в зрелом возрасте стала Луцевой) и Евдоким (считался Бурановым), которого в семье называли Авдошей.

В Тарханке мой дед был волостным писарем, то есть вторым лицом после старосты. У деда было большое хозяйство. Как никак, надо было кормить восемь детей, престарелых родителей - отца Григория и мать Ефросинью Еремеевых, да еще приживальцев. Семья была дружная и работящая. Работали в поте лица от зари до зари, в семье царил достаток.

В начале 1930-х годов начали организовывать колхозы. В первую очередь внимание обратили на более зажиточные крестьянские хозяйства. В поле зрения попали и мои предки. Их принудительно заставили вступить в колхоз. Дед не очень-то верил в прелести колхозного строя. И всячески уклонялся. Тогда его стали облагать непомерными налогами и штрафами. Дед старался сполна откупиться, платил и платил, но конца и края не было этим платежам. Районное начальство вызывало деда и моего отца на откровенный разговор, их прямо спрашивали, почему они игнорируют колхоз? Дед и отец без всякой хитрости заявляли, что в колхозе много всякого рода захребетников. Это и парторг, и комсорг, и избачит (библиотекарь), и учетчик, и табельщик, и бухгалтер, и завхоз, и много других бездельников, которых мы должны обрабатывать.

Получается, что один с сошкой, а семеро с ложкой (это достоверно, это указано в деле), что и послужило причиной о возбуждении уголовно-политического дела, как агитация против колхозного строя (в восьмидесятые годы у меня была возможность ознакомиться со сфабрикованным делом).

Судила тройка из КГБ. Судили их сразу по трем статьям: 61-я - два года, 107-я - три года, 58-я - пять лет лишения свободы с конфискацией имущества. Приговор обжалованию не подлежал.

После суда деда с отцом отправили этапом в Павлодарский распредпункт. Всю нашу семью, в том числе и нашу мать Еремееву Наталью Гавриловну с пятью малыми детьми, просто выкинули из дома, как негодных щенят, мы остались без средств к существованию. Многие сельчане сочувствовали и жалели нас. Втихаря помогали, боясь, что и с ними могут поступить точно так же.

В Павлодаре отца с сыном разлучили. Деда направили на строительство Беломорского канала, а отца - в Хабаровский край на лесоповал.

Из рассказа деда я хорошо запомнил подробности строительства этого канала. Труд был каторжный. Подъем в шесть часов утра, отбой в десять часов вечера. Весь световой день находились на работе. Земляные и бетонные работы делались вручную. Кормежка: черпак баланды и кусок хлеба из муки непонятного помола. Люди изнурялись и слабели. Болезни косили десятки людей за одну ночь. Лекарств и медицинского обслуживания почти не было. Умерших заключенных закапывали на месте. А на их места прибывали все новые и новые этапы заключенных.

Дурная слава пошла в народе об этой ужасной стройке, знали об этом и в дальнем зарубежье. На стройку приезжал великий пролетарский писатель Максим Горький. Узники с мольбой просили замолвить слово в правительстве об ужасах, творимых на стройке, об улучшении бытовых условий и питания. Великий писатель что-то записывал в свой блокнот. Так и осталась эта запись без огласки.

Мировая общественность через Красный крест и Красный полумесяц наконец-то добилась разрешения о посещении стройки Беломорканала.

Однажды ночью по тревоге разбудили заключенных и строем погнали в баню. Баня была организована из трех походных палаток, старую робу приказали сложить, связать бечевкой и привязать бирку - с ФИО и номером отряда. В последней третьей палатке выдавали б/у армейское обмундирование и белье. Построили и объявили, что отныне все они являются трудармейцами, а называть друг друга должны товарищами, а конвойных - товарищами командирами. Различать по треугольникам и шпалам, т.е. младший, старший командир, а со шпалой на петлице - товарищ начальник. С посторонними в штатской одежде в разговор не вступать. Если кто отважится на разговор, считайте, что вы обречены на «вышку» (расстрел).

Мой дед и его собратья по несчастью молчали. Чем вызывали недоумение у членов зарубежной делегации. Конечно, заграничные люди были неглупые и понимали, что здесь какой-то подвох. Но тщетно, безобразного отношения к заключенным, то есть трудармейцам, не было, а там думай, что хочешь, твоя фантазия.

Вскоре стройка Беломорского канала закончилась. Моего деда не освободили, а официально демобилизовали.

Отец с Хабаровского лесоповала так и не вернулся. Сгинул где-то в лесах. У моей матери было пятеро детей, из пятерых выжили только двое - я и мой брат Константин.

В 1936 году была произведена перепись населения СССР. По данным переписи не досчитались миллионов людей. За добросовестную работу по переписи учетчиков «отблагодарили» так же, как и моего деда и отца, некоторых даже представили к «вышке».

Спустя более 50-ти лет, уголовное дело моего деда и отца было пересмотрено, из-за отсутствия состава преступления Еремеева Д.Г. и Еремеева А.Д. полностью реабилитировали. Но остается не разрешенным вопрос с незаконной конфискацией имущества. Первое время мне отвечали, что в Казахстане не разработан механизм компенсации за конфискованное

имущество. В данное время отказывают, ссылаясь на закон, который потерял силу.

Дай Бог, чтобы такое никогда и ни с кем не повторилось. Чтобы люди, граждане нашего многонационального государства жили в дружбе и согласии, чтобы все были счастливы.

Алексей Еремеев
// Устинка плюс. - 2010. - 3 июня. - С. 7.

Жена «врага народа», стахановка, моя бедная мама...

В прошлом номере «Устинки плюс» я рассказал о нелегкой судьбе репрессированных родственников («Мой дед строил Беломорканал»). Теперь речь пойдет о моей маме.

Беда не приходит одна в дом, она обязательно с собой спутниц берет. Хотя уже и дома нашего не было. Его отняли вместе со всем движимым и недвижимым имуществом. О несчастьях в нашей семье мне рассказывал отец моей матери, мой дедушка Гаврила Афанасьевич Григорьев, проживавший на заимке, он-то и поспешил забрать свою дочь Наталью Гавриловну с малыми детьми в свой дом.

Районное начальство Кировского района (теперь Глубоковского) приняло негласное решение раскулачить. Конфисковали дом, амбары, скот и имущество. Нас всех, мать с пятью малыми ребятишками, деда и бабушку Анастасию Антиповну выбросили, как ненужных котят, на улицу. В этот период умирает мой младший брат Иван, едва достигший годовалого возраста. Года через два умерла моя сестра Прасковья, которой не было и пяти лет. Старший брат Александр умер раньше всех.

Мать с трудом устроилась в Ново-Ульбинский колхоз. Узнав, что она жена «врага народа», ее немедленно уволили. Но колхозники и так ничего не получали за свой труд. Люди разбегались, кто куда. К тому времени в деревне организовался участок леспромхоза. Большая часть колхозников перешла туда. Колхоз позже ликвидировали.

Земли перешли во Фрунзенский совхоз. На базе колхоза была сформирована полеводческая бригада, но и она недолго просуществовала.

Матери пришлось поработать поварихой на колхозной кухне в Усть-Пихтовке. И здесь ее постигла та же участь, что и в Ново-Ульбинском колхозе.

Председателем Усть-Пихтовского колхоза был Луцак, как звать и величать его, не помню (надеюсь, читатель простит меня). Особой любовью у сельчан он не пользовался. Люди разбегались. Дома шли на слом, сплавлялись вниз по Ульбе до Усть-Каменогорска, часть домов была перевезена в Тарханку.

Вместо веселой и богатой деревни со школой и крестовыми домами образовался пустырь.

Пострадали и другие села. Богатые крестьянские семьи разорялись в колхозах. Перестали существовать заимка Седов Ключ, Лапина заимка, хутор Гремячий и т.д. Теперь не найти даже признаков того, что когда-то в этих местах, заросших кустарником и бурьяном, полным ходом шла нормальная жизнь. Молодые женились. Рожали детей. Растили. Отдавали в школу. С детства приучали к крестьянскому труду.

В 1936 году полным ходом шло строительство железнодорожной ветки Локоть - Риддер. На стройку брали всех без разбора, и люди шли валом. Труд был ручной, почти каторжный, но добровольный. Моя мама была рада и этой работе. Устроилась землекопом. Проработала год, и силы иссякли. Она была вынуждена уволиться. Тогда трудовых книжек не было, выдавали справки. По такой справке ее приняли на работу на маслоэкстракционный завод им. Красина. Директором завода был Иван Иванович Захаренко. Добрый, отзывчивый человек. Работала мама формовщицей с окладом 200 рублей, а прожиточный минимум был раза в три выше. Но жить все равно было можно.

По рекомендации трех человек мама вступила в профсоюз. На работе ее стали замечать, признали как честную трудолюбивую работницу. Дали однокомнатную квартиру в бараке. И мы зажили там. Я пошел в пятый класс только что построенной школы имени В. И. Ленина.

До войны было принято носить на демонстрациях портреты вождей. А вот поднимать перед трибуной портреты стахановцев только рекомендовали. Моя мама получила титул стахановки, и местный художник нарисовал ее портрет, который часто несли в колонне маслоэкстракционного завода.

В 1940 году мама была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР. После войны она одной из первых была удостоена медали «За доблестный труд в 1941-45 годах».

Время, о котором я вспоминаю, давно прошло. Но мне не дает покоя мысль о том, ради чего были загублены миллионы невинных душ? Зачем были искалечены судьбы отдельных людей и целых народов?

И.Н. Самойлов
// Потомкам нашим:
Историко-биографические очерки:
У-Ка: Медиа-Альянс, 2004. - С. 52-67.

Красный реванш

И все-таки горько, обидно и стыдно сознавать, что в своем Отечестве безжалостно, преступно, с особым садизмом уничтожали друг друга соотечественники, находясь по разные стороны идеологических баррикад.

Белый террор сменился красным - репрессиями, более изощренными, длившимися, как в средневековой Европе инквизиция, целыми десятилетиями.

Дожив до двадцатого столетия, соотечественники не научились еще цивилизованно решать вопросы внутри своего же Отечества: без варварского

взаимоуничтожения и оружейных выстрелов в упор. Идолопоклонство перед дикой и грубой силой взяло верх над разумом и человеческой мудростью. В разборках: «Кто прав?» и «Кто виноват?» - прошел весь двадцатый век. Так и хочется сказать:

Как много опытных царей
Учились жизни у Европы.
Все начиналось при Петре
И до сих пор не видно проку.

Теперь соотечественники-большевики после двадцатых годов были полны решимости взять реванш над соотечественниками: «Кто не за них, тот против их», подвергнув уничтожению в большинстве ни в чем не повинных людей. Об этом геноциде сейчас написано много книг, но скупо говорят документы о массовом истреблении своего же народа, особенно в 20-40-е и в начале 50-х годов.

Не обошел этот общественный психоз и нашу казахстанскую окраину. В 30-е годы самые крепкие мужики, которые знали толк в земледелии, были уничтожены. Аресты, ссылки, расстрелы невинных людей, грабеж имущества не имели границ. Не «рикошетом», а прямо в «упор» расстреливали соотечественники друг друга.

Целенаправленно велось идеологическое оболванивание участников противоборствующих сторон, особенно всеми средствами массовой информации, насильственно, как издавна повелось на Руси...

...До отхода воинского эшелона оставалось совсем немного времени. Солдаты с гомоном и шутками рассаживались по теплушкам. Ухмылялись в пышные усы урядники, посматривали на часы офицеры.

Привокзальная площадь шумела и плясала. А одного солдата ухватила цыганка в обористых юбках, приставая: дай погадаю да дай погадаю!..

- Гадай, да только поскорее, тороплюсь я!

-Две дороги у судьбы твоей, служивый. И будешь выбирать ты сам: изменишь себе - проживешь жизнь долгую, несчастливую, а коль будешь верен себе, своей совести - удачлив будешь и весел, но жить тебе - меньше полвека. И сиротами станут дети твои.

Расхохотался молодой солдат, сунул гадалке серебряный целковый, махнул рукой и побежал к вагону. До мрачных ли мыслей, когда тебе от роду двадцать два года, а дома, в Солоновке, осталась молодая жена Евдокия ждать-дожидаться милого мужа. А что-то впереди будет - на то воля Господня.

На поступивший запрос Управление КГБ сообщило, что Самойлов Филат Сидорович 1888 года рождения, уроженец села Солоновки Катон-Карагайского района, русский, беспартийный, постановлением тройки при ПП ОГПУ Казахстана от 17 января 1931 года приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение 17 января 1931 года.

Аббревиатура «ВМН» расшифровывается просто - высшая мера наказания.

Чем провинился крестьянин из Солоновки перед Советской властью? Тем, что не гнул шею перед новоявленной знатью, был смел, сторонился сходок совдеповских, где с пеной у рта вчерашняя голытьба рядила, как поделить добро, нажитое соседом, как все отобрать и «обобществить».

Политика геноцида тех лет передавалась из уст в уста будущим поколениям их предками. С трагической судьбой моих родственников, как и других односельчан, я был знаком с детских лет.

Двадцатые годы - бунташные и кровавые - обошли семью Филата Сидоровича стороной, хотя из архивных документов КГБ следует, что в 1920 году Филат Самойлов «является активным участником белогвардейского восстания». Но было ли это участие?

Мы знаем, как жестоко расправлялись победившие большевики с крестьянами, защищавшими нажитое своим трудом добро. Пощадили бы они в двадцатом сына волостного старшины царского подпрапорщика с Георгиевским бантом, прими он участие в восстании?

В 1927 году умер Сидор Евсеевич, схоронивший два года назад свою жену Екатерину Евстафьевну. В начале тридцатых умерли сыновья Федор и Аким.

К этому времени набрали силу сторонники раскулачивания и коллективизации. Шариковский принцип «все отобрать и поделить» сюда дошел чуть позже, чем в Центральную Россию, но и здесь он проводился не менее рьяно. В 1930 году особой «тройкой» ОГПУ были осуждены за антисоветскую контрреволюционную агитацию и умышленное уничтожение собственного скота односельчане и родственники Филата Сидоровича Иван Фомич и Мирон Селиверстович Самойловы. Оба реабилитированы в 1989 году. Был сослан в г Новосибирск на три года дед автора Самойлов Семен Семенович в шестидесятивосьмилетнем возрасте, расстреляны его сыновья Киприан и Петр. Дед реабилитирован в 1989 году. О сыновьях ни в КНБ Казахстана, ни в ФСБ России, а также в Информационных центрах этих государств ничего не сохранилось. В этот же период расстрелян был Самойлов Григорий Нефедович - отец двоюродного брата автора, реабилитированный в 1989 году.

По десять лет без права переписки получили дядя автора Самойлов Алексей Семенович и однофамилец Афанасий Акимович Самойлов, тоже реабилитированные позже.

В те страшные годы в Солоновке было раскулачено 56 семей, из них 29 - Самойловых. Репрессировано в 1930-1937 годах более 90 человек, выжило из них одиннадцать.

Из потомков Сидора Евсеевича были раскулачены десять семей, подверглись репрессиям девять человек, участвовали в Великой Отечественной войне 15, погибли на фронте - восемь.

Под корень рубили крепкий крестьянский род. Но не щепки летели из-под топора - кровь. Свирепствовали по селу новые опричники - кто не с нами, тот против нас! Тон задавали пришлые, понаехавшие после октябрьского переворота в старое кержацкое село. Но были иуды и среди своих.

До сих пор помнят в селе комсомольца Антошку Самойлова, грабившего под прикрытием раскулачивания своих родичей, не пожалевшего даже своей

матери. Прокляла сына мать, и не было с тех пор пощады ему - Бог отнял у него разум. Скончался он в престарелом возрасте в Канайской психушке. Среди активных колхозников был и Гермоген Иванов, двоюродный брат Филата Самойлова. Детей пугали Ермадишкой в селе. По ночам приходил он в дома, срывал со стен иконы, с детей - кресты. И не только дети боялись его, но и взрослые старались обойти стороной. Не одна погубленная жизнь на его совести. Косо посматривал Ермадишка в сторону своего двоюродного брата - то ли на хозяйство Филатово зуб точил, то ли сама хозяйка по нраву пришлась.

Однажды в переулке встретил его Филат, прижал легонько спиной к плетню так, что посинел от удушья каин, сказал ему несколько слов ласковых, русских... И дальше пошел. А Ермадишка долго стоял у плетня, потирая грудь, сверкая злобно глазами из-под кудлатого, как воронье гнездо, нечесаного чуба...

И однажды осенью пришли за Филатом. Брали ночью, как воры, боясь белого света. Вызвали на улицу – мол, погутарить надо. Навалились гурьбой, связали руки, взвалили в телегу. И лишь утром мои тетя Настя и дядя Андрей обнаружили, что у них уже больше нет отца.

Не все, конечно, в селе были похожи на Ермадишку, немало осталось честных крестьян, чем и объясняется большое количество раскулаченных и репрессированных.

Тетя Анастасия рассказывала, что когда Филата Сидоровича гнали в Катон-Карагай, то конвоир Мишка, сын его родственника Евстифея Ивановича Самойлова, говорил: «Убегай, дядя Филат, пока не поздно. А я что-нибудь придумаю.,.». «Куда мне бежать, Миша? От судьбы не убежишь...».

Из справки КГБ следует: «Самойлову Филату Сидоровичу было предъявлено обвинение в том, что он является активным членом контрреволюционной организации, приняв на себя обязанности командира повстанческого отряда.

Повстанческая организация, в которую входил Самойлов Филат Сидорович, являлась ответвлением Толстоуховской и ставила своей целью вооруженное выступление для борьбы с Советской властью в момент возвращения атамана Толстоухова из Китая с боевым отрядом. До прихода Толстоухова ставилась задача подготовки выступления «Союза крестьян» в селах Солоновка, Медведка, Солдатово, Яры, Алтай, Буран. Выступления не произошло вследствие слабой подготовки к нему повстанческих групп, отсутствия оружия и разочарования основной массы членов повстанческой организации в силах Толстоухова и ареста органами ОГПУ руководящего звена».

Так по доносу родственника-предателя осиротела семья. Мать - Евдокия Павловна - оказалась с маленьким сыном Ваней в тюрьме, а дочь Настя и старший сын Андрей - в детском доме. Власть карала по ложным документам героя Российской империи - единственного в Восточно-Казахстанской области среди двадцати семи полных Георгиевских кавалеров России, фамилии которых

должны быть увековечены согласно Указу императрицы Екатерины II мемориальными досками в Георгиевском зале Московского Кремля.

Справедливость, хотя и с большим опозданием, но восстановлена. Только в сентябре 1990 года в связи с отсутствием в деле доказательств вины Самойлов Филат Сидорович реабилитирован посмертно.

Восстановлена высшая ратная награда в современной России - Георгиевский кавалер, которой удостоился мой дед по родной бабушке Арине Сидоровне за службу царю и Отечеству.

Зверским, иезуитским пыткам в Большенарымской тюрьме подвергался отец моего троюродного брата (наши бабушки родные сестры) Самойлова Тита Ермиловича - Ермил Данилович, работавший до ареста бригадиром в колхозе. Как ни была жесткой изоляция в тюрьме, все равно кое-что доходило до семьи. Семья несколько раз получала на курительной бумаге записки. Без ужаса и слез их читать было нельзя. Отец писал, что его ночью выводили на мороз, обливали холодной водой, сбрасывали в холодный погреб, снова выводили в морозную ночь на расстрел. Но вины он за собой не имел и не подписывался под сфабрикованными протоколами допросов. Последний раз его видели зимой на этапе по пути в Зыряновск. Был он очень худым, изможденным, плохо одетым. Из Большенарымской тюрьмы, обращаясь к детям, просил их не винить его ни в чем. Последнее письмо семья получила со станции Решет Красноярского края. Он писал, что пребывание в Большенарымской тюрьме не прошло даром, что сердце отказывается работать.

В 1938 году отец умер, а узнали дети о его смерти в 1957 году. Так осиротела еще одна семья. И началась жизнь с унижениями, нуждой, страхом. Страшней клейма «враг народа» не было. Это клеймо легло на семью. Мать работала в огородной бригаде и продукты ей выписывали на одну, а дети «врага народа» должны были погибнуть с голоду. Но и в то время были добрые и смелые люди, такие, как бригадир этой бригады Ефим Тищенко. Этого человека в деревне звали «красным партизаном». Он шел к председателю колхоза Луке Рудневу, который был ярым врагом «врагов народа», долго задерживался у него, но всегда выходил с требованием, в котором продукты были выписаны и на детей. Семья сохранила добрую память об этом смелом человеке.

Помешательство на «врагах народа» охватило все стороны жизни. В школе по чьей-то директиве ученики замазывали в учебниках портреты расстрелянных маршалов, наркомов, вымарывали неугодные строки, срывали с тетрадей обложки (кто-то узрел в пушкинских сюжетах вражеские лозунги). Подозрение стало всеобщим. Вчерашние друзья старались избегать встреч, а о сочувствии не могло быть и речи. В районе компания по вылавливанию «врагов народа» закончилась арестом первого секретаря райкома партии Кастелянского и начальника НКВД Ульянова.

Массовые аресты закончились, но продолжались долгие десятки лет полные беззакония в отношении семей репрессированных. Кругом нужно было отвечать на анкетные вопросы: «Кто твои родители? Были ли за границей?» и т.д. Дети «врагов народа» продолжали оставаться второсортными.

В 1931 году в селе был создан второй колхоз «Новая жизнь». В него согнали мужиков в основном со средним достатком и тех, кто был малоимущим, но все-таки хозяином. Коллективизация в ряде мест проходила с еще большей жестокостью и беспощадностью. Сам по себе факт раскулачивания, причем наиболее работоспособной и инициативной части крестьян, был вопиющей несправедливостью и неоправданной жестокостью. Выбрасывали людей из домов в любое время года, при любом составе семьи с целью физического уничтожения. Но и этого было мало. Только садизмом было вызвано введение бойкота. Попавшей под него семье заколачивали оконные ставни, запирали ворота, запрещали выходить на улицу, общаться с соседями. Из школы исключали кулацких детей. Явным хулиганством были системы обысков. Жители от этой процедуры были беззащитны. Особенно издевались, изощряясь, над семьями подкулачников, т.е. родственников раскулаченных. Делали это глубокой ночью. Внезапно раздавался оглушительный стук, чтобы помешать жильцам кого-либо или чего-либо спрятать и допросить хозяев дома. Попавшие под пресс репрессий были совершенно беззащитны, бесправны.

Надо, видимо, хоть коротко, но ответить на вполне уместный вопрос: «Чьими же руками творилось это сатанинское действо?». В Солоновке из местных, коренных жителей активное участие принимали единицы - это уже названные Ермадишка с Антошкой, а также Акулька да Нюрка Горнилина. Что это были за люди? В основном это презираемое всеми паразитическое, безнравственное отребье. Ермадишка нигде не работал, Анна Асоновна - тоже, Антошка лишился рассудка, Акулька сбежала в Усть-Нарым.

Главную разбойничью силу в разгроме села представляли пришлые - ни родственно, ни морально, ни хозяйственно не связанные с жизнью села. Среди этой своры первыми «скрипками» были братья Рудневы - Лука и Павел. Павел после коллективизации ослеп. В селе говорили, что бог наказал его за невинные слезы людей. Лука был горьким пьяницей. Но коль был своим человеком, то имел должность председателя колхоза.

На этой должности он в полную меру проявил свои садистские способности, особенно зверствовал над бесправными переселенцами-немцами и семьями репрессированных в 30-е годы. Запился, попал в тюрьму, разложился как человек. Скончался, на кладбище доставили на санях, запряженных быком, вместо завещанных когда-то ему правленческих рысаках Голубке корневом и пристяжном Савраске. Поскольку он был уже не председателем и сделал много «хорошего» сельчанам, похоронен был без почестей. Жена его Нота, поскольку была женой председателя, всегда составляла с ним пьяный дуэт, подпевая, когда он пел:

Ноточка, Ноточка, - запевал Лука.
Я, Лукаша, для тебе, - отвечала она.
Неужели для мене? - пел он.
Ей-богу, для тебе! - отвечала она.

Пока муж сидел в тюрьме, она совершила преступление - убила несовершеннолетнего мальчика, боясь, что он выболтает воровскую тайну. Пошла в тюрьму и канула навсегда в безвестность.

Члены этой шайки активистов-погромщиков Чеснокова (председатель сельсовета), Чудяевы, Толмачевы и им подобные, видимо, устыдились содеянного и исчезли из села в неведомом направлении. Едва ли устыдились? Но на совести их и им подобных остались сотни сельчан, лишенных политических прав, отправленных в ссылки, расстрелянных.

Среди ссыльных остался только в живых двоюродный брат моего отца - Самойлов Алексей Семенович. Через десять лет он вернулся в родное село, но на пустое место. Жена умерла, сын погиб на фронте, две дочери - Зинаида и Мария - были найдены через несколько лет. Надо отдать дяде Алексею должное, что он в этой преступной «мясорубке» не огрубел, не сломался. Сохранил человеческое достоинство, остался уважаемым человеком в деревне, дожив до 90 лет с такой же доброй, задушевной, мягкой по характеру женщиной - Полиной Корниловной Евграшиной.

Однофамилец Афанасий Акимович Самойлов часто с горькими слезами вспоминал, что его, 16-летнего мальчишку, тоже осудили на восемь лет, как «японского шпиона». А у этого «японского шпиона» за душой было всего два класса образования в зловещем 1937 году. Ничего он не знал, но чтобы на допросе его не избивал следователь, как это делали со всеми, согласился подписать протокол, избежав побоев, взяв на себя ярлык «врага народа». Благодарил он дядю Алексея за то, что тот в лагере на лесоповале спас ему жизнь, отдавая свою пайку хлеба и теплую одежду. Таким добрым и человеколюбивым он и остался в моей памяти. Вечная ему память! Вечная слава!

В то невыносимое трудное время люди считали, что все беззакония творятся по вине местных властей, а Сталин о них ничего не знает, и говорили: «Если бы об этих беззакониях узнал Сталин, то не поздоровилось бы местным извергам и палачам». Так думали многие, но это был самообман. Может быть, эта вера в вождя и была спасительной надеждой на избавление от вопиющей несправедливости. Иначе - полнейший тупик, безысходность.

Правда была сказана с величайшим опозданием только в 1956 году, когда развенчали культ личности Сталина. Тогда семьи «врагов народа» радовались после нескольких десятилетий жизни на правах гонимых и ограбленных скромным переменам в улучшении жизненных условий.

В таком кошмарном состоянии до 1956 года жило подавляющее большинство наших соотечественников.

Пусть больше этот геноцид никогда не повторится на нашей многострадальной земле! Вечное проклятие тем, власть имевшим, от замученных в застенках ГУЛАГов и оставшихся в живых, морально и физически искалеченных людей, которые они совершили перед многими поколениями своих же соотечественников! Геноцид не может иметь права на существование!

ЗАПАЗДАЛАЯ ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Начальнику Департамента Комитета
национальной безопасности
Республики Казахстан
по Восточно-Казахстанской области

Начальнику управления ФСБ
Российской Федерации
по Новосибирской области

Начальнику Информационного центра
Управления МВД Новосибирской области

Прокурору Восточно-Казахстанской области
Руководителю Зыряновского филиала
Восточно-Казахстанского областного
Архива

От гражданина Республики Казахстан,
проживающего в г. Усть-Каменогорске
Восточно-Казахстанской области,
Самойлова Ивана Никитовича.
Главпочтамт. До востребования.

Заявление

Прошу сообщить: за какие преступления в 30-е годы были репрессированы уроженцы и жители села Солоновки Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области Казахской ССР и где понесли наказания:

Самойлов Семен Семенович,
Самойлов Киприан Семенович,
Самойлов Петр Семенович,
Самойлов Григорий Нефедович,
Самойлов Данил Селиверстович,
Самойлов Ермил Данилович.

Заранее благодарен И. Самойлов

Уважаемый Иван Никитович!

На ваше заявление сообщаем, что в архиве ДКНБ хранится дело Самойлова Семена Семеновича, 1862 года рождения, уроженца села Солоновки Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области, малограмотного, женатого, беспартийного, кулака.

Арестован 12 февраля 1930 года Большенарымским НКВД и необоснованно обвинен в том, что занимался антисоветской пропагандой, направленной на ослабление Советской власти.

Постановлением Тройки при ПП ОГПУ Западной Сибири от 19 ноля 1930 года, на основании статей 58-10 и 58-8 УК РСФСР осужден к высылке в Сибирь сроком на три года. Отбывал наказание в городе Новосибирске.

Зам. начальника Департамента
по Восточно-казахстанской области В.Ф. Кунин

На основании Указа Президиума ВС СССР от 16.01.89 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х - начале 50-х годов», заключением, утвержденным прокурором Восточно-Казахстанской области от 31.05.1989г., Самойлов Семен Семенович реабилитирован посмертно.

Заместитель прокурора
области Б.К. Кенжебеков

В управлении ФСБ по Новосибирской области каких-либо сведений в отношении Самойлова Семена Семеновича не имеется.

Зам. начальника подразделения В. В. Ревякин

Информационный центр УВД Новосибирской области сведениями о нахождении на (спецпоселении, в ссылке) Самойлова Семена Семеновича не располагает.

Начальник ИЦ при УВД
Новосибирской области Н.М. Артеменко

В документах Катон-Карагайского райисполкома Восточно-Казахстанской области за 1935 год имеется список раскулаченных, но сведений о раскулачивании Самойлова Киприана Семеновича и Самойлова Петра Семеновича не имеется.

В документах Большенарымского райисполкома за 1935 год имеется список лиц, лишенных права голоса по Солоновскому сельсовету, на сто одного человека, но Самойловых Киприана и Петра в нем не значится.

И.О. директора Н.К. Абраева

В архиве ДКНБ по Восточно-Казахстанской области хранится дело на Самойлова Григория Нефедовича, 1895 года рождения, уроженца и жителя села Солоновки Катон-Карагайского района Семипалатинского округа, русского, малограмотного, семейного, занимавшегося сельским хозяйством.

Арестован 12.07.1930 года. Самойлов Григорий Нефедович был обвинен в том, что являлся активным участником подготовки восстания, руководимого Толстоуховым Ф.Д. Постановлением Тройки при ПП ОГПУ в Казахстане от 17 января 1931 года по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 58 пункт 2 (вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд), СамойловГ.Н. приговорен к расстрелу.

Данных о времени приведения приговора, а также о месте захоронения в деле нет. Заключением прокурора Восточно-Казахстанской области от 27 октября 1989 года, в связи с отсутствием состава преступления, Самойлов Г.Н. подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» посмертно реабилитирован.

Первый заместитель
начальника КНБ В. Ф. Кунин

Самойлов Даниил Селиверстович 1885 года рождения, уроженец села Солоновки Большенарымского района, проживающий по месту рождения, и его сын Самойлов Ермил Данилович 1903 года рождения, уроженец села Солоновки Большенарымского района, член колхоза «Новая жизнь», проживающий по месту рождения, в октябре 1937 года, были арестованы органами НКВД, необоснованно обвинены «в принадлежности к контрреволюционной повстанческой группе с. Солоновки», в проведении «антисоветской и пораженческой агитации».

Решением тройки УНКВД по Восточно-Казахстанской области от 6 ноября 1937 года Самойлов Даниил Селиверстович был приговорен к расстрелу, а Самойлов Ермил Данилович - к десяти годам лишения свободы.

Приговор в отношении Самойлова Д.С. был приведен в исполнение 9 ноября 1937 года. Место захоронения по имеющимся документам установить не представляется возможным. Постановлением Президиума Восточно-Казахстанского областного суда от 10 января 1957 года и 26 декабря 1957 года вышеупомянутое решение Тройки УНКВД в отношении их было отменено и дела прекращены за недоказанностью состава преступлений.

Для выяснения дальнейшей судьбы Самойлова Ермила Даниловича следует обратиться в Главный информационный Центр МВД (г. Москва) и Главное управление по исправительным делам МВД (Москва).

Зам. начальника Управления КГБ
по Восточно-Казахстанской области Ш. Кудайбергенов

Л. Хлебникова
// Деловой Усть-Каменогорск. - 2003. - № 7-8. – С. 38-39.

«Хотел бы уголком глаза заглянуть в родной дом...»

Эта строка из письма Б.П. Лапина, учителя из г. Усть-Каменогорска, репрессированного в 1939 году. Каким бы тихим и провинциальным городком не был Усть-Каменогорск до 1939 года, лихие ветры советской истории не миновали и его жителей. В 30-е годы многие устькаменогорцы разделили ее трагическую судьбу вместе со своей страной.

Скупо рассказывают родственники и документы о судьбах несправедливо репрессированных. В Заульбинке (в районе нынешнего Дома юстиции) стоял дом Федотовых. Они, как и многие горожане, крестьянствовали: выращивали семена подсолнечника. Осенью, на время уборки урожая, нанимали работников. В 1930г. Федот Степанович Федотов был раскулачен и как эксплуататор наемной рабочей силы был лишен избирательных прав. За то, что он не смог вовремя уплатить сельхозналог, имущество семьи было арестовано, а затем продано с торгов. По документам Государственного архива ВКО, имущество Федотовых продали на сумму 515 рублей 50 коп. Сельхозналог с кулака составлял тогда 420 рублей.

Братья Одинцовы

Из рассказов матери. Павел Иванович Ильин - внук Федотова запомнил, что в 1930 или 1931 году дед был арестован и умер от голода в тюрьме Риддера. И подобная судьба была у миллионов крестьян в годы коллективизации. Режим выкашивал порой целые семьи.

Хорошо знали в Усть-Каменогорске в 20-е годы семью Одинцовых. Отец - оружейный мастер, умер рано, мать работала поденщицей. Один из братьев - Владимир пошел в школу в сапогах, купленных на заработанные им летом деньги от продажи газет. Володя Одинцов был пионером первого в городе пионерского отряда. А в траурные январские дни 1924г. он выступал на городском митинге. Тогда же пионерский отряд передавал своих активистов в комсомол, в числе которых был и В. Одинцов. Летом 1929г. его избрали бригадиром первой комсомольско-молодежной бригады на Григорьевской шахте в Риддере, а в декабре того же года он стал участником 1-го Всесоюзною съезда ударников промышленности в г. Москве. После службы в армии пошел, как тогда говорили, по комсомольской линии. Но никакая самая успешная карьера не гарантировала в те годы безопасности. И все-таки очень внезапным стал для семьи арест Николая Одинцова - директора Телектинской МТС, которого обвинили во вредительстве. В 1937 году решением спецколлегии областного суда Западно-Казахстанской области Н. Одинцов был осужден по 58-й статье и расстрелян. В 1938 году, как брат «врага народа», был арестован в Риддере Владимир Одинцов. Его отправили по прежнему месту работы в г. Свердловск, где он работал в 1936-38гг. заместителем председателя Уральского Совета ОСОАВИАХИМа. Было арестовано все руководство этого учреждения. Его обвинили в подготовке вооруженного восстания против Советской власти. В. Одинцов был приговорен к расстрелу. Из 10 месяцев, проведенных в тюрьме, больше полугода он просидел в камере смертников в полном одиночестве. В ноябре 1938г. прежнего наркома внутренних дел Николая Ежова сменил Лаврентий Берия, и на какое-то время произошла смена курса руководства НКВД и частичная реабилитация заключенных. В этот период было освобождено свыше 300 тысяч человек. В. Одинцов так и не подписал признания своей вины, и это, видимо, сыграло свою роль в

пересмотре его дела. Расстрел заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей. Полтора гола он проработал бригадиром на шпалозаводе в Красноярском лагере. Потом, согласно специальному постановлению Главного управления лагерей, в котором предписывалось использовать бывших шахтеров по профессии, 8 лет В. Одинцов проработал проходчиком в шахте поселка Инга под г.Воркутой. Но и после освобождения его оставили на поселении в г. Красноярске. Позже он был реабилитирован.

Многие историки связывают массовые репрессии 30-х годов не только с борьбой за власть в партийном руководстве страны, но и с экономическими проблемами. Именно с помощью миллионов заключенных удалось освоить отдаленные районы страны.

В декабре 1938 года был демобилизован и арестован Михаил Одинцов. До этого он работал в Ейском военно-морском авиационном училище начальником учебно-летного отдела к бригаде пилотов. Освободили его в октябре 1939г. за отсутствием доказательств вины. В годы Великой Отечественной войны М.Н. Одинцов был боевым офицером, но... в пехоте. На репрессированных власть пыталась списать всю ответственность за предыдущие беззакония, провалы, тяготы народной жизни, Процитируем характерный документ того времени «Отчет о работе парткома Управления Туркестано-Сибирской железной дороги от 23 апреля 1938 года»: «...Как известно, в аппарате управления Турксиба в течение продолжительного времени орудовала подлая шайка фашистских бандитов, шпионов и диверсантов. Михайленко, Федорук, Спиридонов, Гальцев, Рузаев, Мухамедшин и другие, разоблаченные и репрессированные органами НКВД. Эта подлая фашистская банда шпионов, диверсантов и вредителей организовывала диверсии, крушения и разваливала работу дороги».

По делу правотроцкистской, контрреволюционной организации проходил наш земляк - устькаменогорец Ахмет Валиевич Мухамедшин. По сведениям, собранным ветеранами комсомола, он рано лишился родителей и с 13 лет пошел работать. Позже некоторое время работал грузчиком в Усть-Каменогорском пароходстве. В 20-е годы - милиционер, народный судья, студент Семипалатинской совпартшколы. С 1934г. работал на Турксибе. Арестован в марте 1938г. В это время работал заместителем начальника политотдела Турксиба. Был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 15 ноября 1938г.

Репрессии на железнодорожном транспорте в 30-е годы носили массовый характер. В том же отчете указано, что всего за 1937 год было арестовано 184 участника правотроцкистской организации. Польских и японских шпионов - 142 человека. Начальник отдела кадров станции Защита Мария Степановна Шарламова вспоминала: «В 1937 году с запада, с Ковельской железной дороги, прибыл эшелон с квалифицированными работниками: машинистами, помощниками машинистов, слесарями. Большинство из них поляки и украинцы. Их выселяли из пограничной зоны как неблагонадежных. Все они были взяты органами НКВД «как враги народа». Известный историк Н.Ф. Бугай

приводит данные, что в 1936г. было выслано 35.820 поляков из европейской части Советского Союза.

Мария Степановна называет в своих воспоминаниях Левицкого и слесаря Островского. В «Книге скорби» (расстрельные списки) по ВКО указано, что Левицкий Дмитрий Сергеевич, 1905 года рождения, работал заместителем начальника депо станции Защита. Был расстрелян в ноябре 1938 года. В той же «Книге скорби» приводятся сведения об Островском Иване Яковлевиче: 1886 года рождения, проживал в Кировском районе на станции Защита, работал бригадиром водоснабжения. Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 15 сентября 1938 года. Более подробно о жизни Ивана Яковлевича рассказала его дочь. С ее слов, путевку на строительство железной дороги Рубцовск-Риддер отцу вручили принудительно. Он был вынужден срочно выехать с семьей из г. Жмеринка в 1936г. За год до этих событий, в 1935 году, он был арестован и обвинен в шпионаже, но через полгода был освобожден. Дело же прекратили за недоказанностью состава преступления. Но в связи с арестом Островский был исключен из партии. В Восточном Казахстане Иван Яковлевич сначала работал в Шемонаихе, а в ноябре 1936 года был переведен на станцию Защита. Вторично был арестован в 1938 году. Его обвинили в проведении шпионской и вредительской деятельности в пользу правительства буржуазной Польши.

В конце 30-х годов происходит некоторое сокращение и смягчение репрессий, т.к. были достигнуты основные цели «большой чистки», и кроме того стали сказываться экономические последствия проводимого репрессивного курса властей...

Победный май 1945-го! Особая атмосфера в обществе, всеобщее ликование, большие надежды на либерализацию режима. Стали возвращаться фронтовики-победители. Вернулся в декабре 1947 года Александр Мефодьевич Круглов, но не из Германии, где он был комендантом в небольшом немецком городке Шенебек, а из Ивгельских лагерей на севере Свердловской области. Его арестовали в январе 1947 года. «Причина ареста неизвестна», - так записано в документах, хранящихся в краеведческом музее. В письме Главного Управления кадров Министерства обороны СССР от 23 октября 1990 года говорится, что определением Военного трибунала В/Ч 48240 от 14 июля I960 года капитан Круглов А.М. реабилитирован и приказом Министра обороны от 26 сентября 1960 года оформлено его увольнение с действительной военной службы с 8 декабря 1947 года. Фронтовику были возвращены его боевые награды. Почему же был арестован в январе 1947 года капитан Круглов? Объяснение этой загадки в том, что в ноябре 1941 года Круглов, был ранен под г.Тулой. Лечился в госпитале, но госпиталь был захвачен фашистами. 40 дней он был в плену. Уже в январе 1942 года госпиталь был освобожден. Круглов долечившись, с августа 1942 года вновь воевал, но отношение к попавшим в плен было совершенно определенным. Считалось, что в плену оказывались только слабые духом, только трусы, только дезертиры. Многие попавшие в плен солдаты и офицеры прошли сталинские лагеря, Не избежал такой судьбы и наш земляк. Время восстанавливает целые страницы истории советской страны. В 1986-87 гг. в печати появились произведения Амлинского,

Дудинцева, Гранина по истории генетики, которые вызвали огромный общественный резонанс. Каково же было удивление сотрудников краеведческого музея, когда они узнали, что в Усть-Каменогорске с 1955 года жила Е.И. Балкашина, имя которой упомянуто в повести Гранина «Зубр». Елизавета Ивановна Балкашина - женщина удивительной судьбы. О ее многострадальной жизни рассказала сотрудникам краеведческого музея ее дочь Татьяна Дмитриевна Ромашова. Е. Балкашина закончила гимназию с золотой медалью в г. Москве, хотя и родилась в Петербурге. Затем, в 20-е годы, училась на отделении биологии физико-математического факультета Московского государственного университета. После окончания учебы работала лаборантом в генетической лаборатории института экспериментальной биологии. В этой же лаборатории трудились Н.В. Тимофеев

Е.И. Балкашина и Н.В. Тимофеев-Ресовский

-Ресовский, Д.Д Ромашов и другие известные впоследствии ученые. В 1935 году по решению «тройки» была выслана в г.Чимкент, где работала энтомологом на противомалярийной станции. Пешком ходила, чтобы обследовать аулы на малярию, брюшной и сыпной тиф, оставляя нередко дома одну маленькую дочку. В 1939 году ее отпустили в Москву, но в столице сразу же вызвали в органы НКВД и потребовали срочно вернуться в Чимкент. С 1943 года она стала заведующей противомалярийной станции и публиковала научные статьи в журналах. После смерти жены Н.В. Тимофеева-Рисовского, несколько зим вела хозяйство в его доме. И ушли из жизни они в одном и том же 1980 году.

В этой статье удалось рассказать о трагических судьбах нескольких наших земляков. Сотрудники краеведческого музея понимают, что это только начало изучения большой и трудной темы. Без помощи устькаменогорцев мы не сможем воскресить многие забытые имена.

П.Л. Чижиков. Рукопись.
7 декабря 2010г.
Архив Центра краеведческой информации

К вопросу об аресте

В 1937-1939 годах я работал в Лениногорске старшим прорабом по строительству обогатительной фабрики № 3. Объект считался очень важным и, по тому времени, самым крупным в Алтайском крае. Очевидно, СССР нужен был свинец. О ходе строительства управляющий трестом «Риддерстрой» Треблев Я.Б. ежеквартально докладывал Председателю Совета Министров А.Н.Косыгину. Структура управления строительством была немного похожа на объединения, ликвидированные в 1985-1989гг.

Треблев Я.Б. на строительстве фабрики не бывал, но вместо него приезжал

руководитель «Ульбастроя» Спекторов Александр Семёнович. Приезжал он обычно в конце месяца, числа 28-29 и детально расспрашивал, нет ли отставания в строительстве. Александр Семёнович – замечательный, одарённый человек, талантливый администратор, равных которому я не встречал в своей практике. Ни единого окрика, внимательное изучение состояния дел, и, если нужна какая-нибудь помощь, она будет оказана немедленно. Он не терпел неповоротливых исполнителей, включая и руководителей строительных организаций. Его приезд на фабрику меня одушевлял.

1939 год был решающим, в мае месяце шло бетонирование последнего перекрытия (четвёртый по высоте уступ). По широкому трапу в рикшах привозили бетон к месту укладки, где я в то время находился. Вдруг, смотрю, по трапу идёт Спекторов, поздоровался.

- Давайте пройдём в вашу будку, поговорим, - зашли, сели на скамейку, он долго молчал.

- Вот так сложилась обстановка, что меня вызывают в Москву, еду завтра. Решил последний раз убедиться, что строительство идет по графику, отставания нет.

- Директивный график выполняется твёрдо. Можете смотреть, можете проверить.

- Верю. Все вопросы после моего отъезда будет решать Пенюков и я не хочу, чтобы кто-нибудь сказал об ухудшении строительства. А вы не волнуйтесь, я Пенюкова предупредил, как с вами иметь дело, можете к нему обращаться по любому вопросу, ничего не изменится. Панюков человек деловой, да вы его знаете по строительству Малевской запани.

Вышли, около конторы стоял ходок запряжённый парой лошадей, подав на прощенье руку, он повторил:

- Не волнуйтесь, Панюков – человек надёжный, - притронулся к кучеру, - поехали.

В июле 1939 г. началась прокрутка оборудования вхолостую, в августе под нагрузкой, и был получен первый концентрат. Конечно, до сдачи обогатительной фабрики было далеко – конец 1940-го года, а освоение технологий планировалось на 1941 год.

Договорился с дирекцией комбината, что надо создать рабочую комиссию, пусть работают, а строители следом будут устранять недоделки.

Сижу в будке, раздался громкий звонок, взял трубку.

- Павел Лукич, будете говорить с секретарём Горкома партии, передаю ему трубку.

- Чижиков на линии.

Без «здравствуй», тоном, не допускающим возражений:

- Там у вас продают промтовары и пожарников не пускают в очередь, сейчас же пойди и распорядись, пусть пожарники пройдут все вне очереди, они мне позвонили.

- Сейчас позвоню, и ваше указание председатель месткома выполнит.

- Не «позвоню», ясно сказал, пройди и организуй!

- Извините Иван Иванович (Бояринов И.И. - псевдоним), я не могу вмешиваться, незаконно - этими вопросами занимается профсоюзная организация.

- Незаконно, незаконно, - в голосе явно чувствовалось раздражение, - а ты знаешь, что закон – это Горком партии, а его секретарь, что сказал – то и закон!

- Я в окно вижу, председатель около машины: мой звонок – и ваше указание будет выполнено.

Какое-то замешательство, затем громко и раздражительно:

- Надо же, такого дурака хотели принять в партию! Так ты, что там раздумываешь?!

- Жду, когда освободится телефон, и всё будет сделано.

- Жду, …!, - и пошла страшная матерщина и всякая гадость в мой адрес.

Я не привык к такому обращению и, не выдержав, сказал ему:

- Если я слышу всё сказанное от секретаря Горкома, то всё это гадкое относится к вашей персоне.

Тут, видно он впал в ярость.

- Ах ты, навозный червяк, я растопчу тебя, размажу сапогом, я сгною тебя в тюрьме!

Раздался громкий звук, я понял, он ударил трубкой по телефону.

Я позвонил в профком и всё рассказал, председатель ответил:

- Павел Лукич, всё сделано, пожарники уже по одному в очереди и получают промтовары, они хотели встать сразу 12 человек, а я спросил тогда старшего: «Кто будет тушить пожар?». В общем, всё улажено, и не надо было им звонить в Горком.

В заботе об устранении недоделок, передачи излишних рабочих на строительство свинцового завода, я быстро забыл о неприятном разговоре с Бояриновым.

В один из воскресных дней сентября мы с женой Руфой поехали на первый район к Петрищеву Александру Петровичу. У его жены Зины был день рождения, она эту дату любила отмечать в очень узком кругу. Петрищев только вернулся с Алма-Аты, где находился восемь месяцев под следствием, в связи с аварией на плотине. Ещё не определили, как с ним поступить. Посидели за столом, потом Александр сказал:

- Ну, женщины, поговорите вдоволь, мы не будем вам мешать, пройдёмся с Павлом, освежимся воздухом соснового бора.

Прошли метров двадцать и сели на толстое, хорошо ошкуренное бревно.

- Я хочу тебе рассказать о последнем дне пребывания в Алма-Ате о разговоре с Проказой (начальник следствия). Он вручил мне бумагу об освобождении и сказал:

- Как выдумаете, после пребывания в тюрьме, у вас не ухудшатся отношения с другом – Чижиковым?

Я ответил:

- Причём тут тюрьма и наша дружба? Чижиков очень порядочный человек, умный и преданный делу, в общем, хороший человек.

Проказа улыбнулся и сказал:
- Правда, порядочный, честный и очень хороший, а вот мы его арестуем.
- С чего бы? Он не заслуживает, его преданность делу и государству временами удивляет, и где у него берётся сила работать сутками.
Проказа меня перебил словами:
- Вот, вот такого мы и арестуем.
Петрищев долго внимательно смотрел мне в лицо, очевидно, изучал, как его сообщение на меня подействует, потом взял мою руку.
- Павел, я прекрасно знаю, уверен в твоей непогрешимости, но, думаю, не лучше ли тебе уехать, не ожидая решения Проказы. Сейчас ведь арестовать не трудно. Кто-нибудь напишет какую-нибудь глупость, вот и всё готово для получения у прокурора ордера на арест. Подумай, зачем тебе ожидать неприятностей, когда их можно избежать.
Я возмутился:
- Александр, как тебе не стыдно, ты предлагаешь мне бежать! О чего? А может быть это какая-то уловка, чёрт их знает, что творится в голове этого Проказы.
- Фамилия, действительно, не из лучших.
Расстались, вечером вернувшись в Усть-Каменогорск, я позвонил на конный двор, чтобы забрали лошадь. И опять работа, опять возвращение домой ночью. Не смотря на то, что большие объёмы работ остались позади, всё же работало ещё 400 человек в две смены.
9 декабря 1939 года позвонил домой в 16 часов, сказать, что буду к ужину к 19 часам. Трубку взяла сестра Лидия и удивилась:
- Ты правду сказал?
- Конечно правду, разве бывает у меня неправда.
Сам к 17 часам позвал к себе свой персонал – два прораба и два мастера, девушке учётчице сказал, что она свободна. Определил каждому объем работы на неделю – собираться будем не ежедневно, а только по субботам. Решили, что есть излишки рабочих, примерно, 100 человек, чтобы каждый в понедельник подготовил пофамильный список, кого мы можем передать – плотников, бетонщиков, арматурщиков, землекопов. Закончив совещание, в 18 часов пошел домой, кучера ещё днём отпустил и сказал, что в понедельник может за мной не заезжать – пройдусь пешком. В тот же вечер за мной приехали.
Привезли меня в городское управление НКВД, в коридоре небольшая ниша и табуретка, на которую меня посадили. Мимо, глянув безразлично, прошёл Проказа. Примерно через полчаса вышли на улицу, в бортовой машине сидели два милиционера в тулупах с винтовками со штыками. Мне сказали садиться напротив охранников, спиной к кабине, на голый пол автомашины. Всё время пути до Алма-Аты охранники боялись, чтобы я не сбежал, и держали штыки наготове. Очевидно, им сказали, что «врага народа» надо крепко охранять. При выходе из вагона меня встретил капитан и сказал: «Пошли к машине». Стояла крытая небольшая легковушка, Капитан расписался и, посмотрев на охранников, сердито приказал:

- Да уберите штыки, напугаете народ, вот берите билеты и отправляйтесь. Повторяю, уберите штыки, - и потом тихо, но мне было слышно, - Идиоты! – Ко мне садитесь в машину.

Приехали в следственное отделение НКВД, капитан сказал дежурному:

- Поместить в комнату № 13.

Я к капитану:

- Пожалуйста, только не в 13!

- А в чём дело?

Я рассказал о постоянном преследовании меня числом 13. Капитан улыбнулся и, положив мне руку на плечо, дружески проговорил:

- Вот видите, всё обходилось нормально, и число 13 вас, как я понял, выручало. Всё будет в порядке, надейтесь и на этот раз.

Комната (камера) размером 2 на 2,5 метра, две кровати с матрацами, тумбочка, одна табуретка, небольшое окно с решёткой и деревянным козырьком, металлическая дверь с маленькой дверкой и «параша».

Месяц никаких вызовов, никаких вопросов, отличное питание три раза в день. Я возмутился, попросил, чтобы пришел начальник тюрьмы или его заместитель, никто не пришёл. Но утром дверь открылась:

- На допрос!

В кабинете сидел молодой человек, отрекомендовавший себя:

- Лейтенант Сизиков. Сразу предупреждаю, стоять ровно на весь период допроса, не приседать и не подходить к стенке, обращаясь ко мне, говорить «гражданин следователь». Долго молчал, потом исчезло всё начальническое выражение

- Я просмотрел ваши стихи в трёх тетрадях, не вижу в них ничего, заслуживающего внимания, да и консультант Любимов пишет, что стихи оторваны от жизни, беспредметные, и только три стихотворения отмечает, как положительные. Я тоже пишу стихотворения, буду тебе читать, можешь делать замечания.

Так с этим следователем я провёл месяц. Однажды, в очередной раз, придя на допрос, увидел другого следователя – лейтенанта

- Подойдите, прочтите обвинительное решение и распишитесь в ознакомлении.

Прочёл, оказывается, я организовывал поджоги на производстве, вёл антисоветскую агитацию. Прочёл и улыбнулся.

- Что улыбаетесь?

- Улыбаюсь этой грязной выдумке. У кого это только совесть позволила сочинить такую гадость?

- Отойдите ближе к дверям и отвечайте на мои вопросы. Если вам так нравится, можете улыбаться, но отвечайте честно. Во-первых, кто вас завербовал, и кого вы в свою группу вредителей смогли завербовать?!

Вот так четыре пустых месяца одних и тех же вопросов и ответов и некоторые принуждения. Затем неделю не трогали, как стало известно – работала экспертная комиссия.

В следующий приход за столом сидел другой следователь. Я ознакомился с новым обвинением: «Обвиняется по ст. 58 в антисоветской агитации среди своих близких и знакомых».

- А куда делось всё остальное?

- На основании заключения экспертной комиссии признали, что те объявления были ошибочны. Сразу же отвечайте по делу, кто вас завербовал на антисоветскую деятельность, кого завербовали вы, как часто и где вы занимались вредной для государства агитацией.

Опять такой же, как и раньше ответ. Дальше не буду описывать допросы и меры их устрашения, перейду ближе к концу.

Во время допроса зашёл в форме мужчина немного выше среднего роста и спросил следователя:

- Как он себя ведёт?

- Плохо, всё отрицает.

- Тогда подготовьте все вопросы, которые у вас возникли и дайте обвиняемому отвечать собственноручно, поставьте столик и стул.

- Скажите, пожалуйста, кто это был?

- Это начальник следственного отдела Проказа.

Весь следующий день писал ответы на поставленные вопросы. Два дня меня не трогали. Опять пустые вопросы на мои же ответы, а через неделю вызвали к Проказе. На столе лежала папка – моё дело.

- Прочтите и распишитесь, что ознакомлены.

- Читал и возмущался, какая гадость!

Подставлен свидетель – их тайный осведомитель Николай Казаков. Правда, всю его грязь отвергла свидетельница (кажется, Могилёва, уже забыл), которая у меня работала два года учётчицей.

Прочёл и попытался уговорить его быть честным, но не тут-то было.

- Хватит нравоучений! Прочли, распишитесь!

Расписался, закрыл папку и прочёл в углу: «В суде не может быть рассмотрено в виду отсутствия состава преступления». Но это его не остановило. И моё дело вместе с делами ещё пяти человек отправили в Москву на особое совещание со своим предложением. Против моей фамилии - «5 лет ИТК» и штамп «Утверждаю (подпись)»

А дальше? Десять раз этапировали в вагоне в Новосибирск и каждый раз возвращали из-за отсутствия указанного лагеря. После моего категорического отказа, зам.нач. тюрьмы согласился принять, но не сразу. Пролежал неделю. И вдруг открывается дверь:

- Фамилия, имя, отчество, год рождения, - после ответа. – На выход!

Некоторые тюремные формальности. Около грузовой машины военный, который расписался и, садясь в кабину, приказал мне садиться в кузов и прижаться к кабине, потому что ветер и мороз. Примерно через минут пути, остановились у проходной, и сопровождающий меня отчётливо сказал:

- Поместить в палатку ИТР!

- Скажите, кто этот человек, доверивший меня без охраны?

- Это полковник Гольцберг, главный инженер Управления капитального строительства НКВД по Новосибирской области.

Через два месяца меня расконвоировали, назначили старшим прорабом (начальником участка) по строительству жилого посёлка для эвакуированных.

Два года в Новосибирске, два года по другим лагерям и везде в должности начальника капитального строительства лагеря. Без конвоя, иди куда хочешь, но к восьми вечера должен вернуться в зону обязательно. Имел индивидуальное скромное жилье и питание в столовой по меню вольнонаёмных, а иногда и лучше.

С Гольцбергом я встречался только один раз.

За 8 месяцев перед освобождением, мне приказали вновь вернуться в Новосибирск, где и закончились мои мытарства.

О реабилитации

Как-то инструктор Горкома партии Усть-Каменогорска спросил меня:

- Почему, Павел Лукич, вы носите пятно бывшего врага народа, наверное давно вам от него надо избавиться?

- Ношу, потому что думаю – оно является несмываемым.

- Вот в этом ваша ошибка. Уже есть реабилитированные люди, это сейчас довольно просто. Надо на имя прокурора подать заявление, обосновать своими словами невиновность, а дальше они без вашего вмешательства во всём разберутся.

Подал заявление. Пришел ответ, и вот его фрагмент:

«24-XI-1958г. Постановление особого совещания НКВД СССР признано необоснованным, и нами опротестовано. Дело с нашим протестом направлено в Президиум ВК Облсуда для рассмотрения по существу. О результатах будете уведомлены»

И далее:

«12-I-1959г. Уголовное дело по обвинению Чижикова Павла Лукича рассмотрено Президиумом Восточно-Казахстанского Областного суда 27 декабря 1958 года.

Постановление особого совещания при УНКВД СССР отменено, и дело производством прекращено»

Справка о реабилитации

На основании ст.2 Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» Чижиков Павел Лукич признан жертвой политических репрессий и реабилитирован.

Зам. прокурора области Ж. Н. Алмабеков

PS. Написал, отбрасывая много разных деталей, даже важных и интересных. Это сейчас мне выполнить невозможно, т.к. после операции глаз от нагрузки воспаляется и болит. То, что написано – это маленький кусочек, в сокращённом виде. Это фрагмент из большого труда, над которым работаю уже второй год.

Над чем думаю, пишу, назвал «Правда о прошлом своими глазами (Сто лет личной и общественной жизни)». С дочерью решили, что книгу издать не удастся: слишком много надо денег. Поступим по-другому: разделим рукопись на два толстых тома и попросим типографию сделать красивый долговечный переплет – это будет семейная реликвия.

Андрей Кратенко
// Бог атамана Анненкова. Очерки по истории Восточного Казахстана. - Усть-Каменогорск. - 1991. - С.12-13.

Берестяные письма ГУЛага

«Хотелось бы всех поименно назвать».
А. Ахматова, «Реквием»

В книге нашего земляка С.Черных есть статья о литературном объединении «Звено Алтая». В 1921 году его первыми членами были писатель Н. Анов, педагоги Б. Лапин и М. Иванусьев. В архиве Айова сохранилась старая афиша литобъединения:

«Гарклуб, 26 апреля 1922 года. В среду в девять часов вечера выйдет №3 устного литературно-художественного журнала «Звено Алтая» при участии поэтов-звеноалтайцев. Весь сбор - на содержание голодающих детей Поволжья, которые прибудут с первым пароходом в Усть-Каменогорск. Входная плата - 3 фунта муки. Для неимущих - 25 тыс. рублей. Предварительная продажа билетов за муку - в торговой лавке».

Кто бы поверил тогда, что настанет время, и «Звено Алтая» будет названо антисоветской контрреволюционной организацией. Мне самому об этом мало известно, лишь в связи с поиском материалов о трагической судьбе Бориса Николаевича Лапина, преподавателя русского языка и литературы школы второй ступени, а также постоянного руководителя литобъединения.

В справке, полученной из архива управления КГБ, в частности, указывается, что Б. Лапин, 1897г. рождения, органами НКВД был арестован 29 октября 1939 года по обвинению в проведении антисоветской агитации, в предъявленном ему обвинении указывалось, что «являясь членом анти-советской контрреволюционной организации «Звено Алтая», проводил антисоветскую агитацию и пропаганду среди молодежи и интеллигенции, вел индивидуальную обработку людей в антисоветском духе, выступил с антисоветской речью на собрании среди слушателей литературного кружка. Выступая в печати как литератор, воспевал в своих произведениях старую уходящую Русь, кулачество и старый кержацкий быт, стремился вызвать у читателей жалость к разрушенному капиталистическому строю и к остаткам разбитых врагов Советской власти». Решением Особого Совещания НКВД СССР от 31 марта 1940 г. Б. Лапин был заключен в лагерь на пять лет. Основанием для этого решения послужили показания одного из основных свидетелей Кольцова (фамилия изменена, он был также арестован по обвинению в шпионаже и антисоветской агитации), в которых

указывалось, что Б. Лапин «являлся противником Советской власти, об этом свидетельствует его выступление на заседании кружка «Звено Алтая» с контрреволюционной речью против произведения Н. Иванова (Анова), описывающего эпизод гражданской войны, открытое, циничное иронизирование над мероприятиями советских органов». Впоследствии Кольцов откажется от этой напраслины, потому что «данные показания являются вымышленными в силу морального и физического воздействия со стороны следствия». Сам он в 1957 году был реабилитирован Военным трибуналом Туркестанского военного округа.

А вот Борис Николаевич Лапин своей реабилитации не дождался. Она пришла к нему слишком поздно - лишь в мае 1989 года. Одно утешение - до его реабилитации дожила любимая дочь Софья. В ее квартире с чисто выбеленными стенами сохранились вещи из родительского дома: комод, этажерка. Фотографии отца. Его письма. Сейчас Софья Борисовна держит их в своих руках и говорит:

- В тот день я вернулась из школы, следом в дом вошли трое и спросили: «Где отец?» - «На уроках», - ответила я. Они стали делать обыск. Пригласили соседей, которые были очень удивлены. Забрали только книжку со стихами Есенина, папину тетрадку с акварельными рисунками и письмо его старшего брата из Томска. А больше – ничего. Когда папу повели, я заплакала. Утешая меня, он говорил: «Успокойся Соня, я скоро вернусь, это какое-то недоразумение». Но он не вернулся.

- За что его взяли?

- По доносу, наверное. Папу любили и уважали все, кто его знал. Он был редкостно душевный человек. Ученики в нем души не чаяли, они постоянно толпились в нашем доме. На уроках папа любил сам читать стихи. Наизусть он знал их очень много.

Действительно, Борис Николаевич был хорошо образованным человеком. В 1914 году закончил семь классов Томской гимназии, общество любителей художеств направило его в Петербургскую художественно-промышленную школу. Там он одновременно посещал занятия в Институте изящной литературы. Во время службы в царской армии закончил фельдшерскую школу и получил звание ротного фельдшера.

Один из его учеников М. С. Тыцких так вспоминает о своем учителе:

- В моей памяти о Борисе Лапине сохранилось впечатление как о человеке высокого душевного благородства.

Рвущимся голосом, полным невысказанного, но уже выплаканного страдания, Софья Борисовна рассказывает о последнем свидании с отцом:

- Кто-то сказал нам, что в такой-то день их будут этапировать. Пришла вечером на ст. Защита. Видим, сидят на земле кружками. Папа увидел нас, снял фуражку и помахал нам. Хоть и бедно жили мы, но в дорогу ему кое-что собрали: помидоры с огорода, кусочек масла, хлеб да десять рублей разменяли. Но передать это всем нам не разрешили. Подойти и попрощаться - тем более.

Еле-еле я уговорила конвоира взять деньги, дескать, отцу на курево. А потом были только его письма. Вот эти самые.

Я беру их в свои руки. Пожелтевшие, плотно заполненные мелким, но разборчивым «учительским» почерком. Два или три из них, очень плотных и почему-то слишком белых, сразу остановили мое внимание.

- Странные письма, - сказал я.

- Это из бересты, - подсказала Софья Борисовна - Отец часто жаловался, что в лагере нет бумаги. Приходилось писать на бересте да на газетных листках.

Читаю обратный адрес: Читинская область, Джентилакский район, Тында, п-я 210/1, «Красная заря». Есть письма, отправленные из лагерной больницы «Орлы» (там даже названия издевались над человеком).

«20 января 1943 года. От вас ничего, кроме Сониной открытки. Тоска грызет, пугает неизвестность, что делается у вас. Живы? Нет? Дни бегут, истекая соками жизни... Не сердитесь, хорошие мои. Все эти горькие слова от печальной любви к вам, от смертного ужаса за семью, от дикого бессилия. Хочется так музыки Шуберта, Вагнера, ледниковых вершин Алтая, девичьего смеха в саду с сиреневым ароматом и тихой в сумерках беседы с любимой женой–другом. Гудит опоздавшая в улей пчела, на столе свежий номер художественного журнала».

- Отец часто ходил с красками и этюдником на Бабкину мельницу, - вспоминает Софья Борисовна. - Брал с собой меня с моими подругами. Он работал, а мы носились вокруг. Как мы были счастливы! Однажды он привез полную бричку арбузов, и мы перекидывали их в амбар. И столько было в те минуты веселья и смеха! - помолчав, моя собеседница горестно закончила. Вообще, пока отец жил с нами, мы были счастливы. А теперь... а теперь на Бабкиной мельнице одни гаражи.

«8 апреля 1943 г. Счастье мое, радость жизни - любимые и единственные - Катя, Соня, Галя. Вчера получил от Сони и Гали по одной открытке. Могу ли передать на этой берестяной открыточке свою радость! Каждое слово ваше, нежное, как распускающийся сейчас подснежник, или сладкий березовый сок, живительным бальзамом наполняет натянутые струны нервов. Если теперь каждую пятидневку буду получать от Вас письма, может быть, и дождусь окончания срока.

Пишу письмо, конечно, бедное. Берестяное. Нет бумаги, Нет хим. карандаша... Цветет ли мой сад?»

«13 апреля 1943г. Любимое дитя! Весна и у нас звенит, но ее звон подневольный, полярный. Солнышко почти не греет, а земляника мерзлая. Спасибо, что сохранили садик, розы. Чаще ходите в кино, театр. Нужно заботиться и о красивой одежде, она украшает вашу юность. Работая среди комсомольцев, ты, Соня, должна окружить себя этой юностью, руководить ею весело, умно, культурно. Нельзя ныть в ваши годы. Сердечный друг мой, Соня, как бы хотелось поцеловать твои ясные глаза».

А вот особенное письмо. Борис Николаевич написал его поперек печатных строк некой пропагандистской брошюрки. Под заголовком «Энергичный агитатор» я разобрал такие слова:

«Домохозяйки Пионерской улицы города Няндомы тепло отзываются о работе энергичного агитатора Натальи Никоноровны Поповой, зав. библиотекой клуба им. Ленина. «По сталинскому пути» называется стенная газета, которую организовала тов. Попова, в период избирательной кампании, домохозяйки писали в газету о счастливой и радостной жизни, своей готовности голосовать за кандидатов сталинского блока. Нередко здесь появлялись стихи, в которых отражалась радость трудящихся за сталинскую Конституцию».

Поверх этих строк заключенный Лапин писал своим крохотным карандашом:

«Послал вам свою берестяную открыточку, дойдет ли? Бумаги нет, а почтовские недолюбливают полярные березы. Я сейчас совершенно не представляю себе будущего существования в вольных условиях. Какой-то дамоклов меч висит над моей седой головой. И, кажется, когда стукнет час вольности, он опустит свое лезвие, и глаза мои так и не увидят мою семью. А я живу только вами. Все эти 1260 дней и ночей хожу, как слепой. По всей вероятности, когда настанут эти минуты - растеряюсь, буду долго болеть замкнутостью и неприспособленностью к новой жизни, боясь, как бы кто не одернул, не оскорбил косым взглядом человека, побывавшего в лагерях. Хорошо, если на помощь придет очередной паралич... Может быть, ничего нет странного в том, что меня до сих пор волнуют малейшие события в стране, фронт, художественная литература, кино. Я как-то наперекор действительности ежесекундно продолжаю жить не лагерной жизнью, а той, что за зоной. Недаром, товарищи говорят, что я не от мира сего.

Запамятовал ленинские слова о том, что враг таится и среди своих близких, с ним надо бороться до конца. Конечно, как Кате, так особенно Соне и Гале, часто приходится ставить перед собой вопрос: кто же, в конце концов, Б. Лапин, и как нам держать себя в обществе? Вы комсомольцы, я заключенный. Разрешить этот вопрос можно только самостоятельно и твердо, навсегда, без жалости, не коверкая своего светлого будущего. Я же был и остаюсь вашим отцом и мужем…

Будем крепкими друзьями, и рука об руку пойдем после 540 оставшихся дней заключения по широкой дороге Ленина-Сталина».

«Май и июнь я болею, лежу в больнице. Сначала сердечные удушья, потом желтуха с болезнью почек и печени, а сейчас легкие болят. Врач говорит, что у меня плеврит. По вечерам температура 39 и больше. Каждый день дают по кружке молока. Я очень рад, девушки, что общественность имеет о вас хорошее мнение и что вы честно выполняете первомайский сталинский приказ о работе. А как, цветут розы? Вы их рассаживали или они измельчали?

У меня очень слабее зрение. Сейчас пишу в чужих очках. При острой болезни меня лечат. И не плохо. Здесь известные медики из числа заключенных. Вот поправлюсь и буду проситься на фронт в качестве военного фельдшера. До сих пор отклоняли просьбу.

Зубов осталось всего ничего, выпал весь протез. Наплевать, только лицо изменилось. Передних зубов нет, губы провалились. Крепко всех целую, желаю только одной прекрасной жизни, а она во всем и везде в СССР».

«Лежу все в той же больнице, но едва ли до осени выживу - кровь горлом идет и сердце едва-едва бьется. Инвалидов пока не освобождают. Я уже третий раз признан комиссией на 10 процентов инвалидом, больше двух лет лежу на больничной койке, да и срок через два месяца кончается.

Пишите чаще, быстрее доходят открытки - их, видимо, неудобно раскуривать. Срок кончается 28 октября 1944 г.».

«26 августа 1944 г. За телеграмму с меня взяли еще сверх оплаченного семь рублей, т.к. она отправлена «молнией», денег не было заплатить, пришлось кусок хлеба отдать. Здоровье плохое. С трудом дышу, да и кровь идет из легких. Здесь начинается осень, так тоскливо. Советую дочиста собрать весь урожай из сада и с бахчей. Что можно, засушить, засолить. Каждое зернышко сохрани, всю мелкую морковь и картофель выкопай. Должен известить, что вчера я получил от управления лагеря - прокурора - извещение, что должен быть освобожденным по окончании срока наказания, т. е. в октябре сего года, в чем и расписался. Кроме того, сейчас, кажется, есть приказ, в котором говорится, что освобожденные могут ехать куда хочется. Если все это правда и исполнится - буду проситься в Усть-Каменогорск, а потом все вместе уедем в Киев, к Соне. Надоело мне жить в Усть-Каменогорске, да и вообще в Сибири. Нуждаюсь в солнышке, фруктах. Хорошо бы на Кавказ, в Грузию. Но как-то не верится, что меня могут освободить по окончании срока - тогда ведь я смогу приехать к Октябрьским торжествам. Только вот холода наступают, а я без обуви, без теплой одежды».

12 октября 1944г. он написал, последнее письмо своей жене Екатерине:

«Тяжело считать оставшиеся дни заключения, а еще хуже неизвестность. Что будет? Очень боюсь ехать. Нет теплой одежды, обуви, питания, денег. Много пересадок на станциях, а я ведь харкаю кровью и с трудом хожу с палкой. Будем надеяться на скорое свидание, а если не дадут освобождения - придется умирать одиноким».

- Денег на то, чтобы ехать за папой и сопровождать его, у нас не было, - говорит Софья Борисовна. - И мы не дождались его. Два месяца спустя получили извещение о том, что он умер 25 декабря. Стало быть, умер в лагере. Где похоронили - не указано. В лагере папа рисовал картины и посылал их в Москву, в надежде, что там кто-то обратит на них внимание. Наивный и добрый наш папа.

Андрей Кратенко.

// В центре Евразии: некоторые места, вещи и люди. –
У-Ка: Медиа-Альянс. - 2005. - С. 259-261.

Сервиз Маленкова

Супруги Токаревы

В далекий январский вечер 1958 года на Аблакетке в доме работников Усть-Каменогорской ГЭС Михаила и Александры Токаревых отмечали день рождения хозяйки. На день рождения были приглашены новый директор ГЭС, опальный государственный деятель Георгий Маленков и его супруга Валерия. Они пришли с подарком - желтым чайным сервизом на 12 персон.

Сервиз с той поры получил название «маленковский». Кто бы ни пришел с той поры в гости к Токаревым, пил чай только из маленковского сервиза. За 41 год поредели чашки и блюдца, разбился большой чайник, но чай у Токаревых по-прежнему пьют только из желтого сервиза.

С именем Г. Маленкова связывают падение палача Ежова и тирана Берии. После смерти Сталина Маленков первым начал реформы и успел освободить крестьян от государственного оброка. А на Аблакетке Маленкову объявили строгий выговор «за недостойное поведение, выразившееся в посещении вечеров с выпивкой и задабривании работников подарками». В качестве доказательства приводился фотоснимок аблакетского папарацци, который тот сделал через оконное стекло дома мастера Михаила Токарева. На этом снимке Маленков сидит за именинным столом. А на переднем плане вот этот желтый сервиз...

Прошло с той поры почти полвека. Целая эпоха. Время не щадит никого. Нет уже ни страны, ни общественного строя, нет и патефона, который играл вечером в лень рождения Шурочки Токаревой 16 января 1958 года. Патефон Михаил Иванович разобрал, приспосабливая его моторчик к пряхе.

А что же осталось? Желтый чайный сервиз на 12 персон. Чай из этого сервиза навевает столько воспоминаний. Сделаешь глоток и - чу! Слышите, как звучит где-то полузабытая частушка:

Берия, Берия
Вышел из доверия.
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков

Ольга Шепель
// Рудный Алтай. - 2008. - 31 мая. - С. 4.

Красное и черное

Каждый год 31 мая казахстанцы вспоминают тех, кто попал под жернова политических репрессий. Почему мы вновь и вновь возвращаемся к давно

минувшим и трагическим событиям? Конечно, не для огульного очернения прошлого. А для того, чтобы не пропала без следа память о бессмысленно и варварски загубленных судьбах. 30-е годы. Чуть ли не в каждый дом, чуть ли не в каждую семью железной, леденящей поступью входило то непостижимое и страшное, что, направляемое безжалостной рукой системы, отнимало свободу и жизнь, грубо растаптывало человеческое достоинство, заслуги, преданность Родине, веру в справедливость и законность. В народе это время называли «ежовщиной» по имени маленького, невзрачного человека, всемогущим капризом вознесенного на головокружительную высоту власти.

Впоследствии так же легко и равнодушно с нее низвергнутого, а затем разделившего участь уничтоженных им людей.

Тысячи и тысячи людей, не знающие за собой никакой вины, каждую (!) ночь с замиранием сердца прислушивались - не раздастся ли роковой стук в дверь. Лишь под утро забывались тревожным сном, а днем думали с ужасом о следующей ночи. Они чувствовали нависшую над ними и близкими беду и были бессильны в желании что-либо изменить. Люди не знали, как спастись, куда убежать от этого кошмара. Ужас сковал понимавших весь трагизм происходящего. Большинство пребывало в неведении и слепой вере в своего вождя. Это был пик эпохи Сталина, когда с неугодными расправлялись известными методами: сломить и уничтожить.

«Тройки»

В этот период какие-либо судебные разбирательства отсутствовали. Все решалось оперативными «тройками», созданными в нарушение Конституции и существующих законов. Решения «троек» утверждались краевыми и областными комитетами партии.

За пять лет, с 1929 по 1933 годы, «тройками» ОГПУ в КазАССР по неполным данным рассмотрено 9805 дел и принято решений в отношении 22933 лиц, из них к высшей мере наказания - расстрелу - приговорено 3386 человек, заключению в лагерях от трех до десяти лет - 13151 человек. В январе 1937 года в Алма-Ате проходил VII пленум Казкрайкома партии, рассмотревший вопрос «Об итогах обмена партийных документов и очередных задачах Казахстанской парторганизации». Пламенная речь второго секретаря крайкома С. Нурпеисова была направлена на разоблачение так называемых врагов народа.

«То, что мы сумели разоблачить и исключить из партии значительное количество врагов, не дает нам никакого права успокаиваться. Наша обязанность - поднять еще выше большевистскую бдительность, мобилизовать парторганизацию, чтобы каждый коммунист умел распознавать и своевременно разоблачить троцкистско-зиновьевских гадов, агентов фашизма, контрреволюционных националистов, правых отщепенцев и других врагов партии и народа».

Как пишут исследователи тех страшных событий, резолюция пленума соответствовала духу времени. В печати публиковались наветы и обвинения в создании различных уклонов и националистических организаций. В ходу были такие понятия, как «рыскуловщина», «сейфуллинщина», «мендешевщина»,

«ходжановщина», принадлежность к алашординской организации означала прямую дорогу к гибели. Под флагом борьбы со всевозможными уклонами был истреблен цвет интеллигенции.

Под молот репрессий попадали и руководители партии. Например, Левон Исаевич Мирзоян, первый секретарь Казахстанского крайкома партии в Алма-Ате, которого обвиняли в нарушении принципов кадровой политики, создании келейности и других тяжких грехах. Желание привлечь к работе талантливых специалистов, которых он пригласил из разных концов СССР, закончилось трагедией. Его арестовали и расстреляли в Лефортовской тюрьме. Среди множества пунктов обвинения был и такой - казахский националист. В числе репрессированных в 1937 году были секретарь ЦК КП (б) Казахстана С. Нурпеисов, председатель Совнаркома У. Исаев, многие члены ЦК, секретари областных комитетов партии и председатели облисполкомов, почти все секретари горкомов и райкомов партии. А также представители интеллигенции, руководители и специалисты многих ведомств.

План по репрессиям

Как свидетельствуют факты, которые обнародовал в своих исследованиях Тлеу Кульбаев, доктор исторических наук, в конце 1937 года ЦК КП (б) Казахстана внес предложение об увеличении количества репрессированных по республике на 600 человек по первой категории (расстрел) и на 1000 человек - по второй (десять лет). Это предложение было утверждено на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 3 декабря 1937 года. План был одобрен Сталиным. Например, в 1937 году в Карагандинской области в среднем производилось в день по три расстрела. В Алма-Атинской области в феврале 1938 года ежедневно расстреливали по 37-39 человек, в марте - по 53-54 человека.

Проведение карательных мер преподносилось как борьба с врагами, шпионами. Степень вины каждого из них, якобы, определяла выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР. На самом деле был всего лишь один человек, член этой самой коллегии. Он ехал в поезде из Москвы в Алма-Ату и по пути привлекал народных заседателей Верховного суда СССР на местах (тогда они имелись практически в каждом районе). Таким образом, и проводились «суды чести», в среднем выносилось от 38 до 42 смертных приговоров в сутки. Обвинения писались как под копирку и приводились в исполнение немедленно, сегодня - приговор, завтра в 4-6 утра - расстрел.

В поселке Жаналык, в 35 километрах от Алматы, есть братская могила, пишет ученый, в которой покоится прах более трех тысяч казахстанцев. Сюда под покровом ночи в годы сталинских репрессий свозились безвинно расстрелянные в подвалах НКВД люди разных национальностей и вероисповедания.

В Жаналыке - полный интернационал - казахи и русские, евреи и грузины, украинцы и корейцы, молдаване и армяне, уйгуры и дунгане, немцы и белорусы, а также уроженцы Болгарии, Польши, Ирана, Сирии, Голландии, Франции, Израиля, Китая, Турции, Чехии... Здесь же захоронены и девять

австрийцев-коммунаров. Всего 367 иностранных граждан, находящихся тогда на территории нашей республики, попали в жернова репрессивной машины НКВД.

Кроме Алма-Аты, массовые захоронения найдены недалеко от Чимкента, Актюбинска, Уральска, Кзыл-Орды, Караганды, Астаны. Согласно документам, более 4000 человек захоронены в Северо-Казахстанской области, свыше 3000 человек - в Восточном Казахстане. Но эти места последнего упокоения еще не найдены. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ.

Только в 1937-1938 годах было репрессировано в стране 4,5-5 млн человек, из них 1 млн. был приговорен к расстрелу. В эти годы в Казахстане было репрессировано 105 тысяч казахстанцев, из них 22 тысячи приговорены к высшей мере наказания - расстрелу. Спастись удалось немногим.

«Народная» депортация

О судьбе народов, подвергшихся в годы репрессий обвинениям в пособничестве врагам советского государства и депортации из мест их исторического проживания, стали общественным достоянием только в годы перестройки. В предвоенные годы в СССР началось массовое выселение. Жертвами депортации стали поляки, курды, корейцы, буряты, представители других народов. Трагической страницей в истории стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы обвиненных сталинским режимом в пособничестве оккупантам. Тремя с половиной миллионами исчисляется количество репрессированных по национальному признаку с середины 1940-х по 1961 год.

Силой, под страхом расстрела, выселялись из Поволжья, Москвы, Московской области и других регионов лица немецкой национальности. Были вывезены из родных мест калмыки, крымские татары, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы... Как свидетельствуют документы, «депортация коснулась четырнадцати народов целиком и 48 - частично».

Реабилитация пострадавших от политических репрессий началась в СССР в 1954 году. В середине 1960-х эта работа была свернута и возобновилась лишь в конце 1980-х годов. Первым шагом на пути восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных народов, стало принятие Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». 26 апреля 1991 года Верховным Советом СССР был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов». Этот документ определил понятия «репрессированные народы», виды реабилитации и признал незаконными все правовые акты, в том числе местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права.

С момента принятия в 1993 году Закона РК "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" органами прокуратуры изучено 20540

архивных уголовных дел в отношении 31784 лиц, 25938 из которых были реабилитированы.

Рассмотрено свыше 269349 материалов на спецпоселенцев, по которым реабилитированы 225015 человек. В республике реабилитированы более 325 тысяч незаконно репрессированных, в том числе 75 тысяч - до принятия указанного закона.

Каждый год 31 мая казахстанцы вспоминают тех, кто стал жертвами политических репрессий. Памятники безвинно пострадавшим установлены во многих городах Казахстана, как напоминание о том страшном времени.

Менгали Мусин
// Рудный Алтай. - 2002. - 17 января. - С. 2.

КНИГА СКОРБИ И СКОРБЬ КНИГИ

Перед этим горем гнутся горы.
Не течет великая река...
А. Ахматова

О безвинно убиенных-расстрелянных или умерших в лагерях, я вынес много из архивных дел. С некоторыми из чудом выживших встречался, переписывался. Так был собран материал для моей книги «Унесенные в небытие». Так что у меня к подобной информации должен был бы выработаться иммунитет, тем более к столь куцей и сухой. Так, о Кундакбаеве Кариме в «Книге скорби» сказано лишь то, что он, рождения 1906 года, работал секретарем Кокпектинского райкома партии и что расстрелян 11.03.1938 года. А в моей книге ему посвящен целый очерк «Причина смерти - выстрел в затылок». Материалы об участии тоже секретаря, но Катон-Карагайского райкома, отца Бибигуль Толегеновой Ахмете Толегенове, редактора риддерской газеты «Жумысшы» М. Таичибаева, прокурора Уланского района С. Садыкова, школьного сторожа из аула Акчука Ж. Нуржанова также могут служить обширным комментарием к сведениям о них в «Книге скорби».

Правда, в первоисточниках «враги народа» проходят или по одиночке или небольшими группами. Списки же поражают массовостью казненных. Вот почему «иммунитет» не срабатывал. Прежде всего, бросается в глаза, если так можно выразиться, беспощадно-адресный характер расстрелов. Откроем страницу 119-ю. В ней с переходом на следующую, перечислены 15 мужиков, носивших фамилию Самойлов. И все они из одной местности - села Солоновка Большенарымского района. Многие, естественно, были не только однофамильцами. Унесены в небытие родные братья Фома и Фирс Гурьяновичи, Данил, Мирон, Изот Селиверстовичи. Есть такие и среди одиннадцати Цыбенко из Винного, семи Коробейниковых из той же Солоновки. Шести Окуньковых и шести Тюменцевых из Малонарымки и Солдатово.

В селе Крестовка Зыряновского района проживали четыре брата Анфилофьевых. Их расстреляли попарно, двоих в 1930-м. оставшихся достали в

1937-м. А вот четверых Сейбелей из самого Зыряновска убили в одно время - 16 октября 1942 года.

Карательная машина, уподобленная бездушному механизму, не разбиралась ни в национальности, ни в характере деятельности обреченных, она не считалась также ни с возрастом их, ни с полом. Как бы для пущей наглядности, но сама по себе обозначалась такая вот последовательность (стр. 238. 239). Ыдырышев Ш.- председатель колхоза, Щукин А. И. - священник, Эмберг Л. Ф. -железнодорожник, Ю Сен-у - агроном, Юстас В. К - слесарь, Юсупов Ш. Я. - зубной техник, Якимович И. И. - начальник дезромстанции, Якубовский М. М. - продавец, Ященко Г.Ф. – бухгалтер. 10 фамилий - 10 национальностей. Военнослужащий Одноконников попал под жернова в 19 лет, учительница из Выдрихи Надежда Фалькентштерн в 22, сестры Мария и Екатерина Ширинские (Семипалатинск) - в 34 и 36. Сагын Комгельдин из аула № 8 (Чубартау) - в 79.

Таких примеров, наводящих ужас, можно привести много, потому как «списками» вызвано из небытия более трех с половиной тысяч наших земляков.

Каждому из них отведено не более трех-четырех строк, но и они, как видим, могут поведать об очень многом.

Однако с сожалением приходится констатировать и это, таковы не все сведения. Что может сказать, к примеру, вот эта подстрока. «Зубов Петр Тарасович, 1910 г. р. Приговор приведен в исполнение (сведении нет)»? Или же: «Малахов Савелий. Приговор приведен в исполнение 10.11.1920 г.». Если относительно одних значится «работал колхозником» (?), сведения о других ограничиваются адресом. Например, так: А. Шонмакбаев. 1860 г.р., «проживал в Семипалатинской области, г. Семипалатинск».

На фоне самого явления - выхода Книги, эти мягко говоря, упущения могут показаться неуместными. Но ведь речь идет о людях, поплатившихся жизнями не только совершенно напрасно, но и отягощено позором и проклятиями.

Небрежность же, тем более корректорская, никак непростительна. Она, образно говоря, стала скорбью самой «Книги скорби».

И последнее. В аннотации сказано, что списки неполные. Действительно, в них я не обнаружил ряд имен, сведения о которых у меня имеются. Выражая надежду, что с выявлением новых имен Книга будет переиздана (что весьма проблематично), издатель отмечает «Ни одна фамилия из расстрелянных не должна кануть в небытие». Но, позвольте, а угнанные в лагеря должны кануть? Их, умиравших там, как мухи, было куда больше расстрелянных. Да и выживших чудом как же вычеркнуть из скорбного списка?

Политические репрессии были массовыми. Память об их жертвах, следовательно, не должна быть половинчатой.

Содержание

БАСПАГЕРЛІК ҚЫЗМЕТ БӨЛІМІ,
ОРТАЛЫҚ ҚАЛАЛЫҚ КІТАПХАНА.
ҚАЗАҚСТАН, ӨСКЕМЕН қ.,
Е.П. СЛАВСКИЙ атындағы ЕРТІС ЖАҒАЛАУЫ, 22

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КАЗАХСТАН, г.УСТЬ-КАМЕНОГОРСК,
НАБЕРЕЖНАЯ ИРТЫША им. Е.П. СЛАВСКОГО, 22
тел. 25-17-70
факс: (7232)25-03-64
e-mail: ukcbs@mail.ru
сайт: www.kitaphana.kz